

авантюжная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ЗЕРКАЛЬНЫЙ
ЛАБИРИНТ
МЕСТИ

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Зеркальный лабиринт мести

«ЭКСМО»

2015

Леонтьев А. В.

Зеркальный лабиринт мести / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2015

Лиза, конечно, знала: ее отец, известный пластический хирург Олег Ирдышин, далеко не ангел и успел нажать множество недоброжелателей, создавая свою суперуспешную сеть клиник. Но она не думала, что месть одного из старых врагов отца распространится на всю семью и опасность будет угрожать ей самой... Сначала неизвестный попытался сорвать открытие нового центра красоты Ирдышина, подложив в дамскую комнату взрывное устройство. К счастью, бомба оказалась ненастоящей, но Лиза пережила страшные минуты, следя, как один из охранников, Егор Шубин, пытается обезвредить ее. Потом кто-то запустил вместо рекламного ролика видео о том, что Ирдышин строил бизнес на крови. А закончился вечер убийством обезьянки, с которой пришла одна из гостей. На ее тельце висела табличка с одной короткой надписью «24 часа»... Значит, у Лизы есть всего сутки, чтобы спасти себя и свою семью! А помочь ей вызвался Егор, так не похожий на ее гламурных знакомых...

© Леонтьев А. В., 2015

© Эксмо, 2015

Антон Леонтьев

Зеркальный лабиринт мести

© Леонтьев А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*По плодам их узнаете их.
Евангелие от Матфея, 7:16*

*Ибо в безмолвье бог мщенья творит...
Фридрих Шиллер. «Мессинская невеста». Пер. К.Р.*

То, что убьет ее, было частью плана с самого начала.

Но ее гибель должна была стать финалом – финалом большой и потрясающей драмы, имя которой *мести*. Ибо ее смерти надлежало стать последней, но далеко не первой в цепочке страшных событий, отдельных эпизодов его плана – *его плана мести*.

Нет, он не был безумным маньяком, свихнувшимся садистом или тайным сластолюбцем, получавшим наслаждение от чужих страданий и тем более от чужой смерти.

Однако этого требовали законы справедливости – той самой справедливости, которой был лишен и он сам, и его семья. Семья, о которой он мог хранить только воспоминания, ибо все ее представители – *кроме двух* – были мертвы, давно мертвы.

Впрочем, ведь и ему тоже надлежало тогда умереть. И он бы умер, если бы... Он отогнал назойливые воспоминания, прекрасно зная, что избавиться от них невозможно. Ибо они преследуют его днем и ночью.

В особенности ночью.

Ведь сколько раз он просыпался во тьме от собственного сдавленного крика, с дико бьющимся сердцем, весь в тонкой пленке пота, все еще машинально сжимая скрюченными пальцами простыню.

И каждый раз перед глазами, подобно миражу, покачивалась, постепенно тая, одна и та же картинка. Его ночной кошмар. Точнее, то, что перешло в разряд ночных кошмаров, а когда-то было вполне реальным.

Уж слишком реальным. Буквально убийственно реальным.

Он просыпается в темной комнате и видит, что дверь приоткрыта. Сквозь щель прорывается косою луч желтого, какого-то мертвящего света. Он, сам не зная почему, покрывается мурашками – и вдруг до него доносится приглушенный крик. Несмотря на то что крик длится всего мгновение, он узнает голос. Это голос его матери. Он сбрасывает одеяло и опускает ноги на пол. Холодно, очень холодно. Подходит к двери, открывает ее – и его ослепляет поток этого самого желтого мертвящего света. Он в коридоре. Снова доносится стон. Он выходит в коридор, сворачивает и попадает в зал. Там тоже горит свет, но он какой-то другой... Не такой мертвящий, а тусклый, словно... Словно уже умерший. На истертом ковре с ромбами и треугольниками, застеленном простыней, кто-то лежит. Ему видны голые ноги, задравшаяся ночная рубашка. И кровь, которой везде много. Кровь, кровь, кровь... И он знает, что этот некто с голыми ногами в ночной рубашке – его мама. Снова стон, на этот раз такой надрывный и жалостливый. И такой тихий. Он бросается к ней, и мама смотрит на него – лицо у нее белое, мучнистое, а взгляд полон ужаса. Она чего-то боится. Но даже не

того, что ее ожидает. Не крови, которой заляпана и ее ночная рубашка, и ковер. Она боится, причем панически, чего-то иного. Ибо когда он пытается, присев, взять ее голову в ладони, она отталкивает его, силясь что-то сказать. Но вместо слов вырываются только сиплые хрипы. А ее глаза устремлены не на него, а куда-то в сторону. И только потом он замечает, что в комнате они не одни. Там, полускрытый шкафом, со стороны стола, находится еще кто-то. И именно его так боится мама, именно от него она и старается защитить своего сына. Он же, видя, как глаза мамы вдруг закрываются, инстинктивно поворачивается – и видит тень. Тот, кто находится в комнате, стоит прямо над нависшим над столом абажуром, и лица этого человека не видно. Да и человек ли это вообще? Голова мамы вдруг становится такой тяжелой, и он понимает, хотя явно слишком мал для этого, что она умерла. Но эта мысль не раздирает его душу, она, возникнув, тотчас исчезает. Ибо изменить ничего нельзя. А тот, кто скрыт абажуром, вдруг выходит из тени. В его руке он видит нож. И этот нож в крови. Он медленно поднимает взгляд и впирается глазами в лицо ночного посетителя. Того, кто виноват в смерти его мамы. Того, кто убил ее. И ужас пронзает его, ибо это не лицо человека, а морда монстра. Крик застревает в горле, а до ушей доносится шелест, идущий из пасти существа с окровавленным ножом в... В руке? Да нет же, в странной бугристой лапе! Убийца матери делает шаг ему навстречу и, шлепая по коврику, шипит:

– Не бойся меня, мальчик, я тебе помогу...

После этих слов он всегда и просыпался – в поту, с бьющимся сердцем, с пальцами, вцепившимися в простыню. И никогда с тех пор – *никогда!* – он не мог спать, если дверь в комнату была приоткрыта и тем более пропускала хотя бы луч света из коридора. Ибо это сразу же будило самое ужасное воспоминание в его жизни.

Смерть матери.

Точнее, ее убийство. Ведь то, что ее убили, не вызывало никаких сомнений. И он даже знал кто. Ведь он видел этого монстра! *Монстра, забравшего жизнь его мамы...*

О том, что последовало за гибелью матери, он не хотел и вспоминать. Вероятно, он намного раньше опустил бы руки или вообще расстался бы с жизнью, если бы не одно это желание.

Желание мести.

Потребовалось много лет, чтобы понять: тот, кто убил его маму, не был монстром с пупырчатыми лапами и уродливой харей. Это были всего лишь хирургическая маска и скальпель в руке... Хотя, если уж на то пошло, убийца все же был монстром – *в человеческом обличье*. И еще гораздо более кровожадным, беспощадным и мерзким, чем любой монстр из страшных сказок или фильмов ужасов.

На то, чтобы выйти на его след и установить, кто же должен стать объектом мести, потребовалось и того больше. Когда же наконец он узнал имя этого... *нет, не человека, а именно монстра*, то вовсе не почувствовал облегчения. И боль, та самая, которая заставляла его по ночам просыпаться с криком, никуда не ушла.

Ибо что значит месть? Да, ты получаешь возможность уничтожить того, кто разрушил твое счастье, однако вся горечь мести заключается в том, что заканчивается она так *быстро*.

Выстрел пистолета, взмах ножа, звук обрушивающейся на череп дубинки... И, собственно, вот и все – враг повержен, беспомощен, *мертв*. А ты со своим горем остаешься один на один и вдруг понимаешь, что лучше тебе не стало...

Поэтому, узнав имя того, кто виноват в гибели его мамы, он принял решение не торопиться. Он ждал, он наблюдал, он затаился. Казалось, в течение всех этих долгих лет он даже не дышал, ибо, сопровождая своего врага, как тень, повсюду, боялся, что малейшее неосторожное движение выдаст его с головой.

Он ждал, он разрабатывал план. Он смаковал боль – ту боль, которую предстояло испытать врагу. Ибо план мести включал, конечно же, смерть убийцы мамы, но не только это.

Далеко не только это.

Монстр забрал у него все, что ему было дорого. Более того, он забрал, что логично, не только будущее, но отнял у него и прошлое. Ибо прошлое состояло только из одного-единственного воспоминания: *он просыпается и видит падающий на пол спальни косой луч желтого, такого мертващего света...*

Да, враг отнял у него и прошлое, и будущее. И, разумеется, настоящее, весь смысл которого свелся к тому, чтобы вести наблюдение за ним – *за монстром*.

И это значило, что и он сам должен отнять у монстра, у своего врага, все, что тому дорого. А за прошедшие годы, точнее, уже даже десятилетия, тот обзавелся многими ценными игрушками. Ибо враг, не подозревая, что за ним следят, строил свои планы и успешно воплощал их в жизнь. Добивался успеха и зарабатывал деньги. Становился успешным и знаменитым. И зарабатывал еще больше денег. Овдовел, снова женился, в который раз стал отцом и зарабатывал еще больше денег.

Победить такого было не только не просто, а практически нереально. Убить – да. Убить можно любого, даже самого тщательно охраняемого человека на свете. *Только вот какой ценой?* Становиться камикадзе, киллером-смертником он не желал. Нет, умереть он не боялся, однако ему хотелось насладиться триумфом над врагом сполна. А это означало, что тот должен умереть, а он сам – остаться в живых. И не просто остаться в живых – в бегах, в тюрьме или в неизвестности. А остаться в живых и забрать у монстра все то, что тот сумел скопить за все эти годы, которые, без сомнения, тоже были полны преступлений и крови.

Но, как обычно бывает у подобного типа личностей, дороже всего на свете монстру была семья – *своя собственная*. Вот это и требовалось у него отнять!

Убить всех – одного за другим или сразу всем скопом? Накладно, да и зачем? Умрут только те, кто этого заслуживает. Он, естественно, понимал, что эти люди ни в чем не виноваты, однако они все же провинились – тем, что были неразрывно связаны с монстром. *И этим они подписали себе смертный приговор*.

Однако смерть, как он успел убедиться, далеко не всегда самое эффективное и жестокое наказание. Ведь что может быть ужаснее и горше для человека, чем вдруг осознать, что все, чем он гордился и что строил ценой таких усилий, вдруг начинает рушиться? И что люди, которых он любит, вдруг сами начинают страдать? А он не в состоянии этого изменить...

Именно это и должно было стать изюминкой в плане мести. Монстр понесет наказание и умрет, но до этого ему суждено будет увидеть крах всех своих начинаний.

И еще до того, как монстр сумеет что-то предпринять, ему придется умереть – умереть с осознанием того, что все потеряно и что те, кого он любит, оказались в полной власти незнакомого, пышущего злобой врага.

Наверное, то же самое чувство испытала мама за мгновение до того, как умерла. И именно это предстоит испытать его врагу, этому монстру, на преследование которого он потратил всю свою сознательную жизнь.

Теперь же оставалось ждать немного, совсем немного. Ибо план, который был им задуман, скоро должен был прийти в действие.

Конечно, в таком деле он не мог корчить из себя графа Монте-Кристо, одинокого мстителя, который мог купить всех и вся. Ему требовались помощники – *и они у него были*. Однако их удел – осуществлять то, что задумал и разработал именно он.

Ибо именно он выпьет до последней капли чашу, заполненную вязкой кровью мести.

Кровью своего врага.

И чем меньше часов оставалось до реализации грандиозного плана мести, тем спокойнее становилось у него на душе. Враг потеряет все, что ему ценно и важно. И всех тех, кого он любит.

А потом настанет и его час расстаться с жизнью. И он сам прикончит монстра, а потом...

Он закрыл глаза, представляя себе, что будет потом. Его тонкие губы тронула циничная усмешка.

А вот потом и начнется самое интересное!

Наклонившись к столу, за которым сидел в кресле, он вынул из серой папки несколько вариантов письма. Того самого письма, которое скоро получит враг. Очень скоро. И которое положит начало всему – *в том числе и гибели самого врага.*

Да, его помощники потрудились на славу. Что ни говори, ему бы без них пришлось плохо. И у них имеются собственные причины покончить с монстром.

Но это будет его месть – *его, и ничья больше!*

Все варианты были хороши. Однако в таком случае, как ему казалось, недоговоренность выглядит более страшной и зловещей, чем любая нарочитая вульгарность. Поэтому он остановил свой выбор на самом последнем варианте.

Что же, наверняка врага проберет до костей, когда он получит это послание. И, конечно же, он попытается это скрыть, а потом решится обратиться за помощью.

Пусть делает все, что хочет. Он сам играет с открытым забралом. И дает монстру шанс – *шанс покаяться в содеянном.* Он, естественно, не верил, что враг это сделает. Но если вдруг предположить, что это произойдет, то...

То он, так и быть, существенно переделает свой план мести. И те, кому не нужно страдать, страдать не будут. Но в том-то и суть: этот монстр любить никого не может, даже свою собственную семью.

И предпочтет рискнуть ее благополучием ради возможности сохранить свои постыдные тайны.

Но он предоставит ему этот выбор – *тот самый, которого у него самого не было.*

Он включил настольную лампу, снова усмехнулся, а потом раскрыл ящик стола и извлек оттуда тонкие хирургические перчатки из латекса.

Требовалось приступить к изготовлению чистовика.

А текст черновика, что лежал перед ним, гласил:

«ТЫ ВИНОВЕН. ВСПОМНИ О СВОИХ ГРЕХАХ.
И О САМОМ УЖАСНОМ ИЗ НИХ.
У ТЕБЯ ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ОБНАРОДОВАТЬ ПРАВДУ.
И ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я ИМЕЮ В ВИДУ.
ИБО ПОТОМ ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ЗАПЛАТИТЬ ЗА ВСЕ СПОЛНА.
48 ЧАСОВ».

Мужчины обменялись коротким крепким рукопожатием, и каждый из них устоял на своего визави. Не исключено, что они встречались, пересекались на светских мероприятиях и уж точно имели общих знакомых.

Дмитрий Алексеевич подумал, что наверняка один из этих общих знакомых и порекомендовал новому клиенту обратиться к нему, главе агентства «Закон и порядок», которое предоставляло широкий спектр услуг, начиная от сыскной и заканчивая квалифицированной юридической помощью.

А помимо этого...

Помимо этого, особым клиентам, вот именно что *особым клиентам*, тем, кто умел держать язык за зубами и был готов заплатить особый же гонорар, он оказывал услуги *иного рода*. Нет, конечно же, никакого криминала – точнее, *за редким исключением*. Он никогда бы на такое не пошел, и вовсе не по причине своих высоких моральных качеств. Просто, как знал Дмитрий Алексеевич, за все в этом мире надлежит платить. А стоит ли игра свеч, а гонорар, даже самый баснословный, вовлечения в *нехорошую историю?*

Под *нехорошей историей* Дмитрий Алексеевич, бывший чекист, а ныне успешный столичный бизнесмен, подразумевал заказные убийства. Помнится, к нему обращалось несколько представителей бомонда с завуалированными предложениями такого типа – и все мужчины. А также он получил парочку откровенных признаний – от женщин.

Пришлось отказать. Убийство, тем более заказное, было однозначно нехорошей историей.

А вот все, что недотягивало до этого, могло обсуждаться самым серьезным образом. Это не значило, что он был готов пойти на иные противоправные действия, однако иногда клиентам требовались даже не действия, а совет. *Дружеский совет знающего человека...*

В других же случаях ему самому и его ребятам требовалось попотеть, чтобы выполнить заказ клиента, а также оставить в дураках полицию и Следственный комитет (в некоторых случаях, само собой, не безвозмездно).

А вот что требовалось его новому клиенту, использовавшему к тому же фиктивное имя?

– Прошу вас! – произнес Дмитрий Алексеевич, жестом гостеприимного хозяина указывая на одно из двух глубоких кожаных кресел, стоявших около камина. И пусть камин был ненастоящим, а всего лишь огромным плазменным экраном, на котором электронные языки пламени лизали электронные же поленья, это все равно создавало атмосферу уюта и снимало напряжение.

А то, что его гость был в напряжении, было понятно всем и каждому. Гость явно не желал садиться, но Дмитрий Алексеевич и не настаивал. В самом начале важно дать человеку самостоятельно принимать решения. *Ну, или, по крайней мере, создать видимость этого...*

– Хотите что-нибудь выпить? – произнес он, подходя к располагавшемуся в другом конце кабинета бару. – Алкоголь? Или вы за рулем?

Гость покрутил головой, запустил указательный палец за ворот рубашки, явно ему давившей, и произнес:

– Неплохо бы спиртного, но не могу... У меня ночью операция...

– Ну, и я тоже небольшой любитель спиртного! – добродушно рассмеялся Дмитрий Алексеевич, который в случае, если бы клиент потребовал коньяку, водки или виски, сделал бы ехидное замечание о том, что мы ведь не рыбы, чтобы довольствоваться одной водой.

– Раз ваш рабочий день еще не закончился, могу предложить отличный кофе. Особый помол, вам понравится. Уверяю, в Москве вы нигде такого не найдете, Олег Петрович!

Гость, уже опустившийся в одно из кресел, дернулся, а потом подозрительно перевел на Дмитрия Алексеевича взгляд:

– Да, но откуда...

Дмитрий Алексеевич рассмеялся:

– Ну, негоже сомневаться в моих профессиональных способностях, Олег Петрович! Ведь именно их вы хотите поставить себе на службу, ведь так? И тот факт, что вы назвались вымышленным именем, ничего не меняет. Понимаю ваше желание не афишировать ваш визит к нам.

Говоря это, он сноровисто двигал изящной кофеваркой. Никаких секретарш, приносящих кофе или прочие напитки, у него отродясь не было. Эти особы только ляды горазды точить, да еще продавать информацию конкурентам.

– Вот, прошу, – произнес он, ставя перед гостем крошечную чашку с дымящимся черным кофе. – Рискну предположить, что вы относитесь к разряду настоящих гурманов, которые пьют сей божественный напиток без молока и сахара?

Олег Петрович кивнул, пригубил кофе и заметил:

– Гм, а ведь вы правы – такого чудного кофе я еще никогда не пробовал. Так что за помол, вы сказали?

Дмитрий Алексеевич, скупно усмехнувшись, сказал:

– Да, мое агентство предлагает лишь высший класс. Кстати, что за помол, точнее, что за кофейная композиция, я, уж не обессудьте, не скажу. Профессиональная тайна! Что лишний раз подтверждает: мы умеем держать язык за зубами.

Гость одним глотком осушил крошечную чашку, поставил ее на столик и проговорил:

– Да, именно вы мне и нужны. Конечно, глупо было обращаться к вам под выдуманной фамилией, но я не хотел, чтобы пошли слухи...

Дмитрий Алексеевич внутренне усмехнулся. *Что за наивная публика!* Помимо того, что, зная номер звонящего, он при помощи базы данных мог определить, с какой фирмы или из какого государственного учреждения шел звонок, у него имелись другие каналы. И еще до того, как, припарковавшись около агентства, гость прошел в здание, его номера уже пробили по другой базе данных, а камеры наблюдения передали изображение клиента на сервер, где хранились миллионы человеческих образов.

Поэтому еще до того, как гость добрался до ресепшн, Дмитрий Алексеевич получил информацию, что ему предстоит встреча с Олегом Петровичем Ирдышиным, пятидесяти четырех лет, известным столичным пластическим хирургом и владельцем сети клиник красоты и спа-салонов.

– Гарантирую, что слухи не пойдут. Если, конечно, вы не заинтересованы в этом сами. Ну что же, Олег Петрович, чем могу вам помочь? Ведь, как вы понимаете, я уделяю внимание далеко не каждому клиенту...

Дмитрий Алексеевич не врал, но Ирдышин изначально хотел говорить только с ним. А отшивать гостя, у которого имелся под Москвой настоящий дворец и чье состояние исчислялось многими миллионами долларов, было бы неразумно.

Крайне неразумно.

А вот уж кем-кем, а неразумным человеком Дмитрий Алексеевич явно не был. *Да и деньги любил.*

– Да, понимаю... – осклабился пластический хирург. – Думаю, у вас в агентстве примерно так же, как и у меня в клинике. Ведь все рвутся именно ко мне на операцию, но у меня на операционном столе оказываются только...

Глава агентства «Закон и порядок» почувствовал, что гость замялся, и завершил его мысль:

– Только избранные. И вы, Олег Петрович, один из них. Так чем я могу вам помочь?

Ирдышин несколько мгновений молчал, а потом медленно произнес:

– У меня появился враг!

Дмитрий Алексеевич кивнул и заметил:

– Рискну предположить, что враги у вас были и раньше, причем в достаточно большом количестве...

Ирдышин, сверкнув глазами, каким-то странным тоном ответил:

– О да, в этом сомневаться не приходится! И наличие врагов ничуть меня не пугает. Более того, оно мне необходимо, чтобы не топтаться на месте и двигаться вперед. И с ними я справляюсь собственными силами. Но это другой случай...

Ирдышин не походил на человека, легко впадающего в панику. Но Дмитрий Алексеевич заметил, что его гость боится. *Причем очень сильно.* Хотя и прилагает усилия, дабы скрыть это.

Что же, клиент разговорился. Торопить его не следовало. Как не следовало и задавать наводящих вопросов. Поэтому Дмитрий Алексеевич лишь в упор взглянул на него, продолжая молчать и ждать продолжения. И оно не заставило себя ждать.

Ирдышин вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный в несколько раз лист бумаги, расправил его и положил на столик.

– Сегодня днем я получил вот это.

Не без интереса Дмитрий Алексеевич взглянул на послание, оказавшееся анонимным. В глаза ему бросились большие черные, пропечатанные на лазерном принтере заглавные буквы:

«ТЫ ВИНОВЕН. ВСПОМНИ О СВОИХ ГРЕХАХ.
И О САМОМ УЖАСНОМ ИЗ НИХ.
У ТЕБЯ ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ, ЧТОБЫ ОБНАРОДОВАТЬ ПРАВДУ.
И ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я ИМЕЮ В ВИДУ.
ИБО ПОТОМ ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ ЗАПЛАТИТЬ ЗА ВСЕ СПОЛНА.
48 ЧАСОВ».

– Найдите того, кто мне прислал эту... эту пакость! – прошептал Ирдышин, и Дмитрий Алексеевич с удивлением заметил, что голос пластического хирурга дрогнул.

Мало кто мог заподозрить Олега Петровича Ирдышина в трусости. Внешне он был весьма представительным мужчиной, высоким, широкоплечим, с короткими, стриженными ежиком, седыми волосами, волевым подбородком и стального цвета глазами.

Дмитрий Алексеевич был в курсе, что в начале своей карьеры, в так называемые лихие девяностые, Ирдышин находился в самом низу, кажется, даже попался на чем-то криминальном. Едва не угодил в тюрьму, однако потом строил свою хирургическую империю железной рукой. И тем, кто становился на его пути, явно приходилось несладко. С конкурентами Ирдышин умел быть беспощадным, а с врагами – безжалостным.

За все эти годы он многое повидал и пережил, кажется, даже покушение на свою жизнь, в результате которого погибла его тогдашняя жена. Темная история, но говорили, что заказчиков, правоохрнительными органами не найденных, отыскивали по приказанию Ирдышина и...

Что с ними произошло потом, разные источники интерпретировали по-разному. Но упорно держался слух, что убийцу его жены доставили в подвал клиники, где его встретил сам вдовец-хирург. И что потом несчастного никто никогда больше не видел – во всяком случае, в человеческом обличье. *Ибо скальпелем Ирдышин владел виртуозно.*

Не исключено, конечно, что подобные леденящие душу истории распространяли о чуде-докторе его конкуренты, желая отпугнуть клиентуру. Но столичные гранд-дамы, а в последние годы и гранд-кавалеры неустанно обивали порог клиник доктора Ирдышина, и не без основания, ведь он действительно творил чудеса. Так что озабоченные своей внешностью и сокрытием тлетворных следов времени и пороков пациенты, казалось, были готовы лечь на операционный стол и к Джеку Потрошителю, и к Чикатило, лишь бы результат был налицо – точнее, в данном случае, *на лице*. Ну, или прочих частях звездных – и не очень – организмов.

Дмитрий Алексеевич еще раз окинул взглядом анонимное послание и спросил в лоб:

– У вас имеется любовница?

Вообще-то Ирдышин женился несколько лет назад на гламурной певичке, у них был ребенок или даже два, но *чем черт не шутит...*

– Нет! – сердито ответил Ирдышин.

Дмитрий Алексеевич виновато заметил:

– Обычно подобные цидульки посылают отвергнутые пассии. Значит, любовницы у вас нет. А любовника?

Хоть и женат, хоть и дети и от первого, и от второго браков имеются, никто не гарантирует, что, переживая «кризис среднего возраста», топ-хирург вдруг не решил сменить ориентацию. Ну, или немного откорректировать. А все эти юноши томные с глазами горящими могут быть опаснее барракуды – не один клиент их агентства на этом погорел.

– Что, к черту, вы пытаетесь из меня вытрясти? – закричал Ирдышин, вскакивая. – Вы ведь лучшие в подобных делах, а я заплачу, сколько надо, и в два раза больше за сверхурочные. Выясните, кто это настроил, и все тут! И без всяких идиотских вопросов!

Клиент волнуется, значит, что-то скрывает. Неужели и вправду завел себе кого-то на стороне? Но, если вдуматься, это может свидетельствовать о том, что вся эта история очень для него важна.

Конечно, важна: ведь если вылезет неприглядная интрижка, к тому же с любовником, репутация доктора будет брошена коту под хвост. Но ведь и перекраивает он на своем операционном столе явно не ангелов, а звезд шоу-бизнеса, их любовниц и, опять же, любовников, всякую телевизионную шушеру, их любовниц и любовников, экономическую и – куда уж без нее? – политическую элиту столицы и ближнего зарубежья, а также их любовниц и любовников. Так что никаких мало-мальских репутационных потерь подобный скандалчик в кругах, где вращался Ирдышин, не вызвал бы. *Скорее, наоборот.* И уж точно не сказался бы на доходах доктора.

Но тогда чего он так взвился? Это наталкивает только на один вывод: добрый доктор Ирдышин, этот Айболит ринопластики и липосакции, отчего-то в курсе, что письмо это – не выверт глупой дамочки или темного типчика, а что-то гораздо более серьезное.

Значит, снова тайны Мадридского двора...

Так Дмитрий Алексеевич условно обозначал ту категорию дел, когда приходилось копаться в ужасно неприглядных секретах людей богатых, именитых и влиятельных. Причем в секретах, *которым и надлежало оставаться таковыми.* Ибо во многих случаях это были не просто секреты, а секреты, пропитанные кровью...

– Вы имеете представление, кто бы мог вам это прислать? – быстро спросил глава агентства, и на мгновение ему показалось, что пластический хирург был готов назвать имя.

Следовательно, он знает, но не хочет сознаваться в чем-то мерзком и постыдном! Поэтому и пришел к ним, поэтому и не обратился в полицию, поэтому и не стал задействовать службу безопасности, которая имеется в его клиниках.

Ибо опасается, что продажные, получающие подачки от желтой прессы полицейские могут проболтаться, а свои собственные люди могут потом шантажировать.

– Понятия не имею! – отрезал Ирдышин, и Дмитрий Алексеевич не сомневался, что он лжет. Да, опять один из тех случаев, когда клиент, как царь в сказке, дает задание пойти туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что. А сам ценную информацию придерживает...

Ну что же, если он готов платить в двойном размере, почему бы и нет! И пусть скрывает, ребята у него в агентстве работают толковые, рано или поздно выйдут на верный путь. И тогда, возможно, доктору Ирдышину придется раскошелиться, дабы тайное не стало явным...

– Письмо пришло по почте? – продолжил натиск Дмитрий Алексеевич. – Если да, то где конверт?

Олег Петрович вздохнул, опустил в кресло, его лицо приняло унылое выражение.

– Если бы так... Мне его подбросили на рабочий стол, в мой собственный кабинет! Сегодня в девять утра я оперировал... Впрочем, не все ли равно, кто делал у меня круговую подтяжку? Так вот, около часа дня я после операции и обеденного перерыва вернулся к себе и нашел на столе это послание!

Дмитрий Алексеевич слегка улыбнулся. Он любил такие дела и даже уже знал, кому доверит расследование. Так и есть, интриги в доме бога пластической хирургии! Это пахло большим кушем.

– Причем вы должны сделать все раньше, чем за сорок восемь часов! – повысил голос Ирдышин, который явно привык командовать. – Точнее, теперь уже меньше – за сорок два!

– И почему же? – подернул плечами Дмитрий Алексеевич. Вот уж чего-чего, а отдавать себе распоряжения он позволить не мог. – Бойтесь мести автора анонимного послания?

А ведь так и есть, Ирдышин боялся, хотя этот самый анонимный автор даже не указал, какие беды угрожают доктору, если тот... Если тот не покается в грехах! А они у Олега Пет-

ровича, судя по всему, были. «ТЫ ВИНОВЕН» – фраза, которая не допускает неверного толкования. *Но в чем именно?*

Похоже, Ирдышин знал, в чем. Или все же *нет* – и был просто обеспокоен? Но тогда почему такая истеричная реакция на глуповатое, надо сказать, письмо?

«И ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО Я ИМЕЮ В ВИДУ». Аноним с доктором на «ты» – *значит, они знакомы?* Хотя вряд ли автор подметного письма стал бы вдруг обращаться пусть и к незнакомому адресату на «вы» – как-то смешно. А так страшнее и внушительнее...

– Да, мы сразу же займемся расследованием, однако попрошу вас оставаться реалистом, Олег Петрович. Если повезет, мы сможем быстро выйти на автора этого послания. Однако я не могу обещать, что это произойдет в течение сорока восьми, нет, теперь уже сорока двух часов! Это же меньше двух суток!

Ирдышин поднялся, прошелся по кабинету, взглянул на абстрактные полотна, украшающие стены, и, хрустнув пальцами, произнес:

– Я реалист, не забывайте, к этому обязывает моя профессия. Но ровно через сорок два часа, то есть послезавтра, открывается мой новый столичный центр красоты. И это не одна из моих клиник, это то, к чему я шел в течение многих лет, можно сказать, всю жизнь! Этот центр – инновационный прорыв в области пластической хирургии, являющийся одновременно и больничным комплексом, и пятизвездочным отелем. На его открытие будут и зарубежные гости, заинтересованные в крупных инвестициях, что позволит мне выйти на мировой рынок. Это и ничто другое имел в виду урод, который прислал мне письмо с угрозами! Он хочет сорвать открытие центра красоты!

Ну что же, опасения за судьбу самого важного своего проекта объясняли странное поведение доктора. *И тем не менее...*

– Если все так серьезно и замешаны многомиллионные инвестиции и успех всей вашей жизни, почему же вы не обратились в полицию? – спросил с нарочитой небрежностью Дмитрий Алексеевич. – А если не доверяете переаттестованным милиционерам, то подключите своих друзей из ФСБ или прочих силовых структур – ведь и они сами, и их жены пользуются услугами ваших клиник. Они наверняка помогут...

Он исподтишка провоцировал клиента на откровенность. Ирдышин, сверкнув глазами, произнес:

– Я поступаю так, как считаю нужным и правильным. Мне не нужны скандалы, потому что если открытие моего центра красоты сорвется, то... То многие из моих спонсоров будут очень разочарованы! Это ведь отпугнет иностранных инвесторов...

– Еще один повод обратиться к товарищам чекистам, моим бывшим коллегам... – начал Дмитрий Алексеевич, и Ирдышин вдруг переменился в лице.

На этот раз это был не гнев. И не истерика. Его лицо превратилось в маску – *в страшную маску*.

– Я вам плачу, поэтому делайте то, что мне нужно! – буквально прошипел он. – Вы же не хотите, чтобы я обратился к конкурентам, а вас ослабил? Мне настоятельно рекомендовали обратиться именно к вам, что я и сделал. Так вы найдете этого прохвоста или нет?

Дмитрию Алексеевичу стало на мгновение не по себе. Нет, он, конечно, не боялся, что доктор на него бросится. *Еще чего!* В конце концов, у него в кабинете, сразу в нескольких тайниках, хранилось огнестрельное оружие.

И все же он растерялся, ибо на мгновение увидел, что под личиной маститого пластического хирурга скрывается... *Монстр?*

Вот именно, монстр. *А то и еще что-то похуже.*

Но если так, то стоило ли браться за такое тухлое дело? Впрочем, деньги, как известно, не пахнут. А большие деньги, наоборот, благоухают – например, ароматом «Шанель № 5». Так что выбора не было.

Или все-таки был?

– Разумеется, тот, кто досаждал вам угрозами и пытается сорвать открытие вашего центра красоты, будет изобличен, – промолвил глава агентства. – И мое люди займутся этим немедленно. В ваше распоряжение я предоставляю самого компетентного сотрудника.

Конечно, можно было и Илью, но он сейчас на задании в Питере. А Ерофеев взял отпуск по случаю рождения дочери. Тимур, тут нужен Тимур с его чутьем и великосветским шармом, но он, как назло, залечивал какую-то хроническую болячку.

Что же, Егор тоже неплох. И уж точно справится – в этом Дмитрий Алексеевич не сомневался.

Он подошел к столу, нажал кнопку и вернулся к клиенту.

– Еще кофе?

Как раз когда он подал Ирдышину, уже снова ставшему любезным и хладнокровным столичным хирургом, чашку кофе, в кабинет постучали. А потом на пороге появился высокий широкоплечий молодой человек с короткими темными волосами и пронзительными серыми глазами.

– Олег Петрович, разрешите представить вам одного из лучших наших сотрудников, Егора Шубина. Егор, это Олег Петрович Ирдышин, наш новый клиент, для которого тебе потребуется найти составителя и отправителя вот этого анонимного письма.

Егор, как и прочие сотрудники, никогда не задавал ненужных вопросов, даже если ситуация была непонятна или двусмысленна. Шубин только бросил беглый взгляд на анонимку, кажется, несколько удивился тексту, но удивления своего не выказал, а произнес:

– Рад, Олег Петрович, что смогу оказать вам помощь. Как уже сказал Дмитрий Алексеевич, все, что от меня требуется, будет сделано, и в срок.

Ирдышин, залпом осушив вторую чашку кофе, поставил ее на столик. Потом вынул из кармана скрепленную резинкой пачку банкнот и швырнул ее туда же.

– Это, как и обещал, для затравки. Найдите мне этого урода и получите много больше. И учтите: это необходимо сделать до открытия центра красоты. Не дай бог оно сорвется, потому что тогда...

На этот раз его лицо не менялось, но Дмитрий Алексеевич прекрасно помнил, что тот, кто сидит перед ним в отличном, сшитом на заказ костюме и расшвыривается пачками денег, *в действительности монстр*.

Не физический, а, что еще ужаснее, моральный.

Но разве это причина для того, чтобы отказываться от его гонораров?

– И это все, что я могу сказать вам, молодой человек! – произнесла, поджав губы, ухоженная дама средних лет с подозрительно темными волосами, зачесанными в строгий пучок.

Особа, облаченная в строгий деловой костюм темно-вишневого цвета, чей острый носик был увенчан очками в замысловатой оправе, звалась Нинель Львовной Зелейко и была личным секретарем-референтом Олега Петровича Ирдышина, а также, по его собственному признанию, его правой рукой, преданнейшей помощницей, да еще и самой осведомленной особой, которая разбиралась в делах косметической империи шефа, не исключено, что лучше его самого.

С момента визита пластического хирурга в столичное агентство «Закон и порядок» прошло немногим более двенадцати часов. Наступило утро следующего дня – до открытия центра красоты оставались сутки с небольшим.

Впрочем, в течение миновавших пятнадцати часов ни Дмитрий Алексеевич, глава агентства, ни его люди, в первую очередь Егор Шубин, которому было поручено расследование, не сидели сложа руки.

При помощи обширной базы данных – как доступных всем, законных, так и доступных немногим избранным и собранных не самым легальным образом – удалось собрать информацию об Олеге Петровиче Ирдышине и тех, кто его окружает.

Ибо тот, кто прислал анонимное письмо с угрозами, столь перепугавшее пластического хирурга и, видимо, сообщившее ему гораздо больше того, чем он был готов поделиться со специалистами из агентства, определенно был из окружения Олега Петровича.

Возможно, членом его семьи, не исключено, работником одной из клиник и спа-центров, в конце концов, бывшим или настоящим пациентом или близким или отдаленным знакомым. Так или иначе, этот человек был каким-то образом связан с Ирдышиным – *в настоящем или прошлом*. И, судя по всему, также и в будущем.

Только вот круг людей, попадавших в эту категорию, был чрезвычайно широк. И проверить всех за столь короткий срок не представлялось возможным – точнее, не представлялось возможным составить хотя бы примерный список всех потенциальных подозреваемых. Ибо речь в таком случае, с учетом массы пациентов и знакомых хирурга, шла о сотнях, если не о тысячах людей.

Однако главным в профессии Дмитрия Алексеевича и Егора Шубина было успокоить клиента. Олег Петрович был готов заплатить большие деньги, а в обмен он получал чувство уверенности в завтрашнем дне и в том, что он и его семейство, которым он так дорожил, находятся в полной безопасности. Ну и, конечно, речь шла об обеспечении открытия центра красоты, и этим уже занялись прочие сотрудники «Закона и порядка».

Первым делом Егор собрал информацию на самого Ирдышина и членов его семьи, а также на ближайших сотрудников центральной клиники пластической хирургии, располагавшейся на Мясницкой.

Итак, сам Олег Петрович Ирдышин, пятидесяти четырех лет, более чем успешный пластический хирург и еще более успешный бизнесмен в медицинской области. Владелец сети клиник пластической хирургии в Москве, Петербурге, ряде провинциальных центров, а также в странах ближнего зарубежья. Причем клиники носят его имя – это уже стало не только торговой маркой, но и залогом качества и высокочассного хирургического сервиса. Понятно, что терять эту репутацию Ирдышину совсем даже не хотелось. Репутацию – *а вместе с ней и доходы*.

Ибо, судя по всему, Олег Петрович был более чем обеспеченным человеком. Нет, к разряду олигархов его отнести было нельзя, не был он и миллиардером, однако, судя по всему, состояние его исчислялось несколькими сотнями миллионов в конвертируемой валюте. Имелся у него дом под столицей, недвижимость в Испании, Италии и на Мальте, автопарк, а также раритетная коллекция икон.

В прошлом Олега Петровича наблюдалась масса белых или, точнее, *темных* пятен. Никто толком не ведал, как он заполучил свою первую клинику, которая стала фундаментом его хирургической империи. Он приватизировал разваливавшуюся советскую больницу, но, судя по всему, не все было исполнено в соответствии с буквой закона. Ходили слухи, что в то время Ирдышин приторговывал наркотиками, а также прочими запрещенными препаратами, втюхивая доверчивым женам и любовницам «братков» незапатентованные средства для избавления от морщин, сжигания жира и мгновенного похудения. На него завели тогда уголовное дело по факту гибели нескольких пациенток, однако до суда дело не дошло, все удалось замять, и Олег Петрович сумел выкрутиться, став с тех пор гораздо более осторожным и изворотливым.

В то время он состоял в браке с Мариной Сергеевной Ирдышиной, с которой учился когда-то во Втором московском медицинском институте имени Пирогова. У них имелось двое детей: дочка Елизавета и сын Петр. Дочка, столичная красавица без определенных занятий, кажется, выпускница МГИМО, была неким подобием столичной Пэрис Хилтон. Она появля-

лась то тут, то там, вела какие-то передачи, печаталась в гламурных изданиях, была прелестна, как майский день, и, несмотря на свой образ жизни, не замешана ни в одном крупном скандале.

А вот сын пытался сделаться пластическим хирургом, но вылетел из меда, зато выучился на экономиста и теперь подвизался в финансовом отделе клиник отца. Впрочем, как удалось выяснить, Петру Ирдышину не хватало ни хватки, ни интуиции Ирдышина-старшего – обычная проблема сыновей новаторов и гениальных бизнесменов. Сынку было под тридцать, он обитал в шикарном пентхаусе в столице, не был женат, однако яхшался с малоизвестными певичками и актрисами, каждые несколько месяцев меняя любовниц. О сексуальных похождениях Петра Ирдышина, столичного плейбоя и завидного жениха, можно было прочитать в любом желтом издании.

Дмитрий Алексеевич обратил внимание Егора на то, что обоих отпрысков надо взять в оборот: сынка-балбеса, который старается копировать отца, но у которого это плохо выходит. И который, не исключено, убежден в своей исключительности и устал ждать многомиллионного наследства. А также дочурку, которая ведет великосветский образ жизни, не особо утруждая себя заботой о дне насущном, и в последние несколько лет написала несколько бестселлеров из серии «Откровения столичной красавицы» о том, как следует одеваться и вести себя, чтобы заполучить в мужья миллионера. Судя по тому, что сама Елизавета Ирдышина была все еще не замужем, следовать своим собственным советам она пока не спешила.

Вроде бы благополучная семья, вроде бы хорошие дети. *Вот именно – вроде бы...* Потому что имелась еще история с гибелью первой жены хирурга, Марии Сергеевны. История в самом деле темная: в конце девяностых на Олега Петровича было совершено покушение, однако то ли киллер оказался неопытным, то ли судьба так распорядилась, но жертвой стал вовсе не он сам, а его супруга.

Смерть жены стала страшным ударом и для самого Ирдышина, и для его детей-подростков. И сразу после этого дочка, которой тогда исполнилось тринадцать или четырнадцать, была отправлена в закрытый швейцарский пансион. А сын Петр, который младше ее примерно на год, остался в Москве, при отце.

Ходили темные, невнятные слухи о том, что Ирдышин жестоко расправился с непосредственным убийцей, а также заказчиком убийства жены. Но слухи эти были подобны сценарию второсортного фильма ужасов: якобы виновных доставили ему в клинику, в подвал, где имелась особая, оборудованная только для *специальных пациентов*, операционная. И что эту операционную они уже никогда не покинули – во всяком случае, живыми. А были вынесены оттуда по частям...

Производил ли Ирдышин впечатление человека, который мог запятать до смерти убийц своей горячо любимой супруги? А ведь как хирург он обладал необходимыми медицинскими познаниями, чтобы превратить последние часы или даже дни жизни этих субъектов в кромешный ад и нескончаемую боль.

Кто знает, на что был способен их клиент? Однако одно дело – финансовые махинации и торговля наркотиками на заре карьеры, и совсем другое – хладнокровное садистское убийство с использованием своих хирургических познаний.

После гибели жены Ирдышин полностью ушел в работу и в течение последующих семи или восьми лет расширял свою империю пластической хирургии. Он носил траур по Марине, все были уверены, что он больше никогда не женится, а он взял и пошел наперекор общественному мнению.

Его новой супругой сделалась некая Жанна Голубева, участница одного из многочисленных музыкальных шоу, ставшая потом, правда, на весьма короткий период, участницей крайне популярной гёрлз-бэнд. Затем популярность резко пошла на спад. Жанна попробовала начать сольную карьеру, но та не удалась, она переметнулась на телевидение, где вела несколько глу-

пых программ, а потом стало известно о ее помолвке и приближающейся свадьбе с Олегом Петровичем Ирдышиным.

Невеста была младше сына и дочери от первого брака, но пластического хирурга это не заботило. Ибо он, судя по всему, поставил перед собой новую задачу – и она была решена. Новая супруга родила ему близнецов, мальчика и девочку, которых странным образом *тоже* назвали Петей и Лизой.

И опять же вроде бы семейная идиллия, но чего-то не хватает. Видимо, веры, что презентуемый общественности разукрашенный фасад счастливой семейной жизни не скрывает на самом деле конфликты и семейные драмы.

Кроме этого, имелись еще ближайшие сотрудники Ирдышина, одна из которых, Нинель Львовна Зелейко, и сидела в данный момент перед Егором. Он находился в ее кабинете вместе с сыном хирурга Петром. Тот – высокий, стильный, уверенный в себе – был явным любимцем Нинель Львовны. А вот к гостю из агентства «Закон и порядок» личная секретарша Ирдышина отнеслась с явным подозрением.

– И все же я бы попросил вас повторить то, что вам известно, еще раз, – произнес Егор без тени улыбки.

Нинель Львовна метнула на него злобный взгляд, поправила ворот блузки и произнесла хорошо поставленным голосом:

– К сожалению, у меня так много дел, ведь завтра открывается центр красоты...

Инициативу перехватил Петр Ирдышин. Чарующе улыбнувшись, он произнес:

– Нинель Львовна, прошу вас, сделайте, как говорит Егор Александрович. Это крайне для нас важно!

– Петр Олегович, конечно! – расплылась Зелейко в улыбке и снова метнула неприязненный взор в сторону Егора. Тот внутренне усмехнулся – кажется, эта особа была отменной актрисой.

– Рассказывать-то, собственно, нечего. Как вы видите, мой кабинет располагается непосредственно около кабинета Олега Петровича. Вчера утром на девять часов у него была назначена операция. Вот документы, операция началась даже немного раньше срока – Олег Петрович крайне пунктуален и не любит транжирить время, ни свое, ни пациентов. Операция началась в 8:47, закончилась в 11:03. После этого Олег Петрович принял душ, сделал несколько звонков по мобильному, перекусил и около двенадцати появился в своем кабинете. И в 11:56 он мне позвонил по внутреннему телефону, вот, смотрите, звонок остался в памяти аппарата. Попросил зайти к себе и презентовать... Презентовал эту ужасную анонимку!

Ее острый нос задергался, а глаза за затейливой оправой очков гневно распахнулись.

– Как низко пал тот, кто посылает подобные идиотские послания! Олег Петрович был вне себя, мне даже пришлось его успокаивать...

Ага, значит, хирург очень даже испугался, когда впервые увидел это письмецо. И оно произвело на него неизгладимое впечатление. *Это крайне важно.*

– Подлые, гадкие людишки! – продолжала плевать ядом личная секретарша. – Такого уникального специалиста и золотого человека – и так оскорбить! Уму непостижимо!

Егор быстро взглянул на сына хирурга – тот мерно качал головой, однако думал, кажется, о своем. *Интересно бы знать, о чем именно?*

– Когда вы заходили в кабинет Олега Петровича в то утро? – прервал ее стенания Егор.

Нинель Львовна опешила, потом машинально поправила очки и произнесла:

– Молодой человек, что вы хотите сказать? Вы что, обвиняете меня в том, что именно я подложила шефу эту подлую анонимку? Я не потерплю...

Настало время расставить точки над «i». И поставить несносную особу, которая все это время ужасно действовала Егору на нервы, на место.

– Факт остается фактом: кто-то подложил письмо на стол Олегу Петровичу. Причем произошло это между примерно половиной девятого, когда он перед операцией был у себя в кабинете и работал за компьютером, и зафиксированным вами звонком без четырех минут двенадцать. Когда утром Олег Петрович находился у себя в кабинете, никакого письма там еще не было, оно появилось в его отсутствие. Кто-то положил его самым демонстративным образом на письменный стол, причем так, что не увидеть его было невозможно. Так же и для тех, кто в это время входил к нему в кабинет. И если отбросить версию, что письмо материализовалось из воздуха, то следует признать, что его кто-то подложил и что произошло это между половиной девятого и без четырех минут двенадцать. Итак, вы заходили в этот временной промежуток в кабинет шефа?

Его ироничная, произнесенная спокойным тоном речь отрезвила Нинель Львовну. Уставившись на Егора, дама после короткой заминки произнесла:

– Да, заходила. Например, чтобы положить утреннюю почту. А затем – чтобы принести документы на подпись. И было это... Подождите...

Она зашелестела бумагами на своем столе, потом быстро сверилась с компьютером и сказала:

– Это было около десяти часов. Папку с документами на подпись я положила на стол Олегу Петровичу, как это делаю всегда. И никакого анонимного письма там, клянусь, не было!

Сказано это было весьма убедительно. *Впрочем, достаточно ли?*

– Как я заметил, в кабинет Олега Петровича просто так не попадешь, – продолжил Егор Шубин. – Для этого надо миновать особу, сидящую в приемной.

– Алина, ее зовут Алина, – подсказал сын хирурга.

– Двери кабинета Олега Петровича, как, впрочем, и дверь вашего кабинета, выходят в приемную, где сидит Алина, – сказал Егор. – И, следовательно, она должна была зафиксировать появление любого, кто заходил в кабинет шефа. Помимо нее самой – ведь сделать она это могла в любой момент...

Петр Ирдышин воскликнул:

– Нет, поверьте, Алина не такой человек, чтобы писать анонимки! Она отличный сотрудник! И прекрасный человек!

Егор подумал: откуда сыну хирурга известно, что секретарша Алина прекрасный человек? Просто так вырвалось – *или он близко знаком с ней?* Если последнее справедливо, то он вполне может выражать ее, а она – его.

А вот Нинель Львовна, казалось, придерживалась иного мнения о секретарше Алине.

– Хотя я сама и рекомендовала ее Олегу Петровичу, однако раскаиваюсь в этом. Ибо моих ожиданий она не оправдала. Слишком нерасторопна, болтлива, непунктуальна. Кроме того, умудряется в рабочее время проворачивать свои приватные делишки. Я такое терпеть не могу. Вчера утром у меня была масса работы, мне несколько раз приходилось покидать мой кабинет, чтобы навестить коллег из юридического и финансового отделов. Я подсчитала – я выходила из своего кабинета три раза. И, соответственно, возвращалась тоже три. И в двух случаях из трех Алины на месте не было!

Она подняла палец с коротко остриженным ногтем к потолку. Егор обратил внимание, что на руке Зелейко не было ни одного кольца.

– Ну, милая Нинель Львовна, ведь у Алины тоже могут быть важные дела! – рассмеялся Петр Ирдышин. – Она тоже могла отправиться в юридический или финансовый отдел. В конце концов, она ведь не обязана, как приклеенная, сидеть все время на своем стуле в приемной моего отца.

Нинель Львовна дернула носом и ответила:

– Боюсь, что на самом деле она или была в столовой, или отправлялась курить. Или выходила в коридор, дабы вести разговоры по своему мобильному, которые никому не следовало слышать!

Егор на мгновение прикрыл глаза. Вообще-то еще до беседы с Нинель он успел переговорить с Алиной. Да, работницей она была ненадежной и хитровой, это сразу бросалось в глаза. Вполне вероятно, что она то и дело шныряла из приемной невесть куда, оставляя на долгое время кабинет шефа без присмотра. А так как никаких камер слежения в коридорах клиники не было – только камеры наблюдения на входе и в лифтах, – то, пользуясь ее отсутствием, любой желающий мог подняться наверх, миновать пустую приемную, зайти в кабинет к Ирдышину, положить ему на стол анонимное письмо и ретироваться. *И остаться при этом незамеченным.*

– Вы ведь навещали вчера утром своего отца? – спросил Егор, даже не поворачивая голову в сторону Петра.

И все же заметил краем глаза, как тот дернулся.

– Да, заезжал... Извините, что не сказал вам об этом сразу, как-то из памяти выпало... Но отца в кабинете не было...

– Значит, вы у него были? – уточнил Егор, наконец посмотрев на отпрыска хирурга. Ведь он уже говорил с ним, и тот отрицал, что посещал отца вчера утром. Сказал, что был в юридическом отделе, так как требовалось утрясти важные моменты перед предстоящим открытием центра красоты, и, так и не навестив родителя, который, как он знал, все равно на операции, отправился на деловую встречу.

То, что деловая встреча началась в полдвенадцатого, Егор уже проверил – все верно, Петр Ирдышин не опоздал. Но это вовсе не значит, что у него не было возможности до этого побывать в кабинете отца и, пользуясь отсутствием Алины, подсунуть родителю анонимку.

– Ну да, был... – заикаясь, произнес тот. – Но отца, повторяюсь, не застал! Я просто открыл дверь кабинета, удостоверился, что его нет, и ушел...

– Удостоверились? – переспросил Егор. – Что вы хотите этим сказать?

Губы Петра Ирдышина затряслись. Он гневно выпалил:

– Ничего не хочу сказать! И нечего цепляться к словам, уважаемый! Увидел, что отца нет, и ушел. Да, я забыл, что он на операции, хотя до этого помнил. Но я был так занят кое-какими юридическими коллизиями, что это вылетело у меня из головы. Или вам еще предоставить детальный отчет о том, что именно я хотел с ним обсудить?

Егор сделал вид, что удовлетворился сказанным. И не задал вопрос, почему, если у отпрыска были вопросы к отцу, нельзя было просто ему позвонить. Хотя ответ был ясен: в таком случае у него не было бы повода «случайно» побывать в кабинете родителя.

Или все это на самом деле случайность?

– Получается, что вы примерно в одно и то же время были в юридическом отделе, так ведь? – спросил Егор, взглянув сначала на Нинель Львовну, а потом на Петра. – По крайней мере, это следует из ваших слов. Вы там столкнулись?

Петр, надувшись, ничего не отвечал, вместо него в разговор вступила секретарша:

– Нет, не столкнулись. Потому что Петр Олегович был у начальника юридического отдела, в его кабинете. Я же ходила к коллегам из одного из подразделов.

Егор сцепил руки в замок. Вопрос, который следовало бы задать: *действительно ли ходила?* Впрочем, это легко проверить.

Как и то, сколько Петр Ирдышин оставался у начальника юридического отдела и когда его покинул. Что-то в его показаниях не сходилось, и Егор пока не мог сказать, что именно...

Он поблагодарил секретаршу, которая, надо заметить, кажется, начала к нему оттаивать. Когда они вышли, приемная оказалась пустой: Алины в очередной раз не было на месте.

Егор, взяв со стола первый попавший лист бумаги, быстро подошел к кабинету Олега Петровича и распахнул дверь. Самого хирурга там не было – он находился на очередной операции.

Все оказалось просто. *Даже очень просто!*

– Рекомендую вам запереть двери в ваше отсутствие, – сказал он, а Петр, уже отошедший от недавней стычки, заметил:

– В самом начале так и было, но отец постоянно терял ключ. Поэтому в итоге уходил, не запирая кабинета, тем более особого смысла в этом нет. Красть все равно нечего...

Он запнулся, а Егор подумал, что красть, быть может, и нечего, а вот подложить подметное письмо при таком раскладе может фактически каждый, кто, минуя ресепшн при входе в клинику, поднимется на этажи, где располагаются административные структуры.

Значит, на самом деле *очень даже просто*.

– А вы думаете... – Петр огляделся по сторонам, покосившись в первую очередь в сторону двери, за которой восседала мегера Нинель Львовна. – Вы думаете, что Нинель может быть причастна? Она ведь так предана отцу! И давно у него работает. Он ей доверяет безгранично. Она тетка хорошая, хоть и вредная. Но...

Он запнулся. Егор ничего не говорил, и Петр быстро добавил:

– Но иногда мне кажется, что она не та, за кого себя выдает. Конечно, она Нинель Львовна Зелейко и все такое, я другое имею в виду. Иногда, когда ей кажется, что за ней никто не наблюдает, она бросает на отца такие взгляды... Такие странные! *И злобные!*

Егор сдержал смех. Что же, отвести от себя подозрения путем очернения кого-то другого вполне логично. А ведь Петя Ирдышин был у него на заметке. *А вот Нинель Львовна – нет.*

– Все может быть, – ответил он уклончиво. – А получается, что вы частенько исподтишка наблюдаете за Нинель Львовной, раз сумели уловить, какие взгляды она бросает на вашего отца. Почему, собственно?

Петр смутился, явно не зная, что сказать, и в этот момент в приемную вошла несколько запыхавшаяся Алина – длинная вертялая девица с красными волосами, облаченная во что-то несуразно цветное.

Отпрыск хирурга сделал вид, что ему кто-то звонит по мобильному (во всяком случае, такое у Егора сложилось впечатление), и вышел в коридор.

– Неужели правда? – воскликнула Алина, плюхаясь в свое кресло.

Егор дипломатично ответил:

– Что-то, вне всяких сомнений, всегда правда.

– Я о том, что в клинике говорят. Что шеф получил какое-то ужасное письмо с угрозами! Ух, наверняка это она!

– Кто она? – быстро спросил Егор, и Алина пояснила:

– Она, Белла! Ну, наша суперзвезда, которой уже сильно под семьдесят. И которая хочет по-прежнему выглядеть на тридцать четыре. Она ведь была ужасно недовольна своей последней подтяжкой. Еще бы, нельзя же кожу до такой степени кромсать, что она на мумию стала похожа. Олег Петрович ее отговаривал, но куда там! Предупреждал о последствиях, а она ни в какую. Еще бы, в пятый раз замуж выходит, поэтому вбила себе в голову, что снова надо подтянуться. Ну и получился реальный крокодил. Она, когда увидела результат, такую истерику закатила! На Олега Петровича бросалась, всеми карами грозила. Ее бы в полицию сдать, но нельзя, все-таки звезда, хоть и бывшая...

Егор припомнил публикации в желтой прессе: изуродованное лицо великой Беллы, которая, как правильно отметила Алина, переборщила с пластикой и стала похожа на одну из голливудских жертв косметической хирургии, которые выглядят, как несколько улучшенная версия Фредди Крюгера, но упорно делают вид, что страшно этим гордятся.

– Значит, она грозила ему всяческими карами? – протянул Егор. Конечно, это меняло расклад, но все же было маловероятно, что такая темпераментная особа, как великая Белла, стала бы писать анонимки и подбрасывать их в кабинет неугодному пластическому хирургу. Она бы подбросила – но бомбу или, скажем, королевскую кобру. Но не туманное и полное неясных намеков письмо...

– А теперь настала пора рассказать все, что вам известно! – произнес не терпящим возражения тоном Егор и надвинулся на Алину. – Потому что мы получили доступ к данным вашего мобильного, Алина, и это позволяет сделать крайне нелицеприятный вывод...

Он блефовал, однако секретарша-то знать об этом не могла! Ибо девица, как совершенно верно отметила Нинель Львовна, была недалекая.

Алина часто задышала и осторожно сказала:

– Но это не моя вина... И вообще... Меня что, теперь уволят?

– В зависимости от того, что я скажу Нинель Львовне и Олегу Петровичу, – проговорил Шубин. – А это напрямую связано с вашими показаниями. Итак...

Девица шмыгнула носом и начала:

– Вчера утром мне пришла эсмэска от моей хорошей подруги Наточки. Точнее, я думала, что от нее, потому что было подписано ее именем и составлено так, как пишет она. Наточка сообщала, что ее муж-скотина выгнал ее из дома и что ей надо немедленно со мной встретиться. Мужики ведь такие гады, меня вот недавно жених бросил! То вился вокруг меня, то исчез, словно в воду канул... Поэтому я вся на нервах... Получилось удачно, ведь у Олега Петровича была долгая операция, я смогла перекинуть звонки с моего рабочего на мобильный и двинула в кафе, где ждала Наточка. Но там ее не было! Я подождала, но она так и не появилась. А когда я до нее дозвонилась, выяснилось, что это чья-то идиотская шутка. Муж ее хоть и скотина, но пока что никуда не выгнал, а, наоборот, подарил на днях кольцо с рубином.

Она снова шмыгнула носом и сказала:

– Но Нинель я ничего говорить не собиралась, потому что она меня тогда заживо проглотит.

– СМС у вас сохранилась? – спросил Егор, и девица извлекла свой навороченный мобильный, отыскала нужное послание и протянула аппарат Егору.

– Номер-то не Наточки, точнее, не ее обычный, но я ничего такого не подумала, она ведь и сама пишет, что муж-скотина у нее старый телефон отобрал, пришлось срочно купить другой.

Егор переписал номер, сделал своим мобильным фотографию текста СМС и строго произнес:

– Молодец, что рассказали мне об этом занимательном инциденте. Ибо, выманив вас с работы под надуманным предлогом, тот, кто желал подложить письмо вашему шефу, сумел это без проблем осуществить.

– Значит, письмо было? – взвизгнула секретарша. – Ой, как интересно! А что там написано? Неужели Белла в самом деле разбушевалась? Грозилась Олега Петровича убить?

Егор внимательно посмотрел на нее и сказал:

– Об этом позже. Держите язык за зубами и не трепитесь о том, что у вашего шефа неприятности, иначе они будут и у вас. Ценю, что сказали мне правду, однако ведь это часть правды, ведь так?

Девица распахнула рот, а потом быстро его закрыла и, снова шмыгнув носом, пробубнила:

– Не понимаю, о чем это вы. Я и так с вами заболталась, пора работать, а то Нинель Львовна мне выволочку устроит...

– Он устроит вам выволочку, если узнает, что вы в рабочее время бегали в кафе на встречу с подружкой, – возразил металлическим голосом Егор.

Алина встrepенулась и устремила на него взор, полный гнева и отчаяния.

– А я-то считала вас порядочным мужчиной! Доверила вам тайну, а вы тут же ею стали меня шантажировать! Тогда уж точно ничего не скажу!

Она надулась, а Егор произнес:

– Вы не так меня поняли. Я хотел сказать, что Нинель Львовна не ценит ваши деловые качества. И это очень и очень жаль.

– И не пытайтесь! – отрезала девица, шелестя бумагами. Она повернулась к нему спиной и всем своим видом выказывала нежелание продолжать беседу. – Мне ничего больше не известно!

– Жаль, – вздохнул Егор Шубин, – придется в таком случае спросить обо всем у Петра Олеговича. Он, конечно, как и вы, будет отпираться. Но ни секунды при этом не сомневаясь, что это вы мне все выложили. Думаю, тогда взбучка от Нинель Львовны покажется вам самой крошечной проблемой...

Он развернулся, чтобы выйти в коридор, но до него донесся отчаянный шепот Алины:

– Откуда вы знаете?

Егор развернулся и заметил, как переменилось лицо девицы – она была на грани истерики.

Что ж, расколоть ее было проще простого. Не требовалось быть Шерлоком Холмсом, чтобы заметить: когда Петя Ирдышин ее увидел, он тотчас под фальшивым предлогом ретировался, явно не желая беседовать с Алиной. Она же, в свою очередь, тоже перепугалась. *Их связывает какая-то общая тайна.* И Шубин непременно хотел узнать, какая.

– Слухами земля полнится, – выдал Егор очередную стандартную фразу. – Ну так как, Алина Максимовна, вы намерены говорить или мне придется поставить в известность Олега Петровича?

Алина явно боролась с обуревавшими ее противоречивыми чувствами. Наконец она произнесла:

– А вы никому не скажете? Ведь я не хочу, чтобы у него были неприятности!

Егор молчал, что только усиливало эффект. Алина судорожно сглотнула и сказала:

– Когда я вчера вернулась после несостоявшейся встречи с Наточкой, то заметила, что дверь в кабинет Олега Петровича приоткрыта. Я подошла, чтобы закрыть ее, и увидела, что...

Она запнулась и после секундной паузы продолжила:

– Увидела, что Петр Олегович роется в свежей почте, которую Нинель Львовна принесла шефу. Петр Олегович просматривал письма, и создавалось впечатление, что он ищет какое-то определенное... Я хотела выйти, но он, видимо, почувствовал мое присутствие, поднял глаза и заметил, что я за ним наблюдаю. И я видела, как он вытащил из стопки большой такой конверт. И сунул себе под пиджак. Он переменился в лице, хлопнул рукой по письмам и сказал, что не нашел того, которое требовалось отыскать для отца. Но было ясно, что он врет! А потом... Потом он завел со мной такую милую беседу о том, какая я хорошая и умная. И пригласил в ресторан. И просил ничего не говорить о том, что я видела, ни отцу, ни Нинель, потому что тогда они поймут, что он проворонил одну важную сделку, и у него будут неприятности. Ну, я обещала, что не скажу.

Егор несколько мгновений рассматривал девицу. Вроде бы не врет. *Хотя кто знает?* Во всяком случае, занятно, что Петя Ирдышин так неуклюже пытался его обмануть. Значит, сынок что-то искал в корреспонденции папы – *уж не анонимное ли письмо?* Во всяком случае, именно такой вопрос задал бы любой работник «Закона и порядка» – и Егор не был исключением.

Или что-то иное?

А вот это было интересно, очень даже интересно. Причем с учетом того, что сынок что-то нашел и что-то унес с собой. Что-то, предназначавшееся для отца-хирурга.

Только вот что?

– Я потом, когда Петр Олегович ушел, привела письма в порядок, потому что они лежали кое-как, а шеф такое не любит.

Гм, как же, подумал Егор, наверняка пыталась узнать, что же такое отпрыск украл у родителя. Но это известно, похоже, только самому Пете...

– И если уж на то пошло... Никаких анонимных писем с черными буквами на столе у шефа на тот момент не лежало! А это было... Это было уже около одиннадцати! Значит, его принесли *позже*! А я больше в кабинет к шефу не заходила. Зато Нинель Львовна прошмыгнула около половины двенадцатого!

Она торжествующе уставилась на Егора. Тот, кивнув, заметил:

– Ценное замечание, крайне ценное. Благодарю вас, Алина.

Что же, девица, похоже, и правда оказалась ценным свидетелем. *Если, конечно, говорила правду*. Ибо они с Нинель терпеть друг друга не могут и, соответственно, способны намеренно подставлять друг друга.

И еще... Официально Алина ничего не могла знать об анонимном письме, адресованном Ирдышину. Конечно, кто-то проговорился, и слухи уже поползли. *Но ведь истинных деталей никто не ведал!* Если вести речь об анонимке, то все представят себе лист, заполненный буквами, вырезанными из заголовков газет и журналов. Или это вообще будет запечатанное письмо, содержание которого никому не известно.

Так откуда же Алина тогда в курсе, что письмо, во-первых, лежало на столе в развернутом виде и, во-вторых, состояло из черных букв? А не, скажем, красных, синих или разноцветных?

Это означало вероятность того, что Алина сама подсунула анонимку, а теперь разыгрывала дешевую комедию. И СМС послала себе сама, чтобы заполучить возможность спокойно уйти и обставить все так, как будто письмецо, пользуясь ее отлучкой, подкинул кто-то другой. *Неплохое алиби*.

Или же, не будучи причастной к анонимке, Алина все же увидела ее на столе у шефа, хотя и отрицает это – потому и в курсе, как она выглядела. Но это значит, что анонимка к тому времени лежала на столе и тогда, когда Петр Ирдышин копошился в почте своего папаша.

Если он вообще копошился и что-то похитил. Ведь пока это голословное утверждение Алины, не более того, не исключено, что с целью отвести подозрения от себя и запутать следствие.

Наконец, вне зависимости от того, имел ли место инцидент с сынком, шмонающим почту родителя, анонимку всегда мог подложить кто-то другой. Например, если верить показаниям Алины, Нинель Львовна – за считанные минуты до возвращения в кабинет самого Ирдышина. Ведь кому, как не личному секретарю, точно знать, когда шеф вернется к себе в офис! Тогда и не надо подсовывать анонимку уже в девять, можно сделать это без особой спешки в половине двенадцатого.

Если Алина говорит правду. А ведь могло стать так, что она сама подложила анонимку и просто запутывает следы, изобретая несуществующие истории и кидая тень подозрения на всех, кого угодно.

Или имелся другой, никем, кроме автора анонимки, не учтенный вариант...

Таковы были версии, которые Егор намеревался представить Дмитрию Алексеевичу.

– Благодарю вас, Алина! – медленно сказал Егор. И уже на выходе дал дельный совет: – На вашем месте я бы не стал посещать ресторан вместе с Петром Олеговичем!

Центр красоты доктора Ирдышина располагался на Ленинском проспекте и представлял собой здание в изящном стиле, впитавшем в себя элементы современной и старинной архитектуры. Архитектор, как, впрочем, и дизайнеры интерьера, приложил огромные усилия и сумел создать самый настоящий шедевр. Впрочем, подлинные чудеса находились не снаружи, а

внутри, там, где любую замарашку могли превратить в принцессу, где царила нега, пастельные краски и открытые, заполненные воздухом пространства.

Впрочем, убранство центра красоты доктора Ирдышина мало волновало Егора Шубина и прочих представителей агентства «Закон и порядок». Глава агентства Дмитрий Алексеевич также присутствовал на церемонии открытия, вернее, он и его люди появились там задолго до начала церемонии и самым тщательным образом проверили пустующее еще здание на предмет взрывчатки и прочих спрятанных сюрпризов. И были уверены, что ничего подобного в здании не было, как не было и таинственного мстителя, притаившегося где-нибудь в подвале или одном из кабинетов.

Точнее, они были уверены в этом на девяносто девять процентов. Потому что, как учил Дмитрий Алексеевич, *никогда нельзя быть ни в чем уверенным на все сто*.

Однако тот факт, что центр пока еще не открылся, значительно облегчал работу. Его обыскили дважды с помощью специально обученных собак, и даже если бы кто-то спрятал взрывчатку еще много часов, а то и дней назад, собаки непременно бы ее учуяли.

После того как обыск был завершен, все входы и выходы перекрыли и запечатали. Но потом началось самое трудное, потому что прибыли представители трех фирм, которые занимались организацией шикарного приема, приуроченного к открытию центра.

Прием должен был состояться в огромном внутреннем дворе-атриуме, украшенном устремленными ввысь колоннами, зимним садом и замысловатым водопадом с небольшой искусственной речушкой. Здание было спроектировано таким образом, что этот внутренний двор простирался практически по всему первому этажу, и оттуда можно было пройти на прочие уровни центра красоты. А с середины атриума открывался захватывающий дух вид на прозрачный хрустальный купол, венчающий здание.

У каждой из трех фирм, ответственных за организацию приема – за украшение живыми цветами, за сервировку изысканного стола, а также за технику, – была масса аппаратуры и разного рода багажа. Проверить все эти бесчисленные ящики было почти нереально.

Почти. Но для «Закона и порядка» не было ничего нереального.

Однако проблема заключалась даже не в ящиках с техникой и не в тех яствах, которые должны были предлагаться многочисленным гостям. Хотя проверить последние было в самом деле невозможно – и кто мог гарантировать, что автор анонимки, если он действительно хотел привести в исполнение свои угрозы, не задумал, к примеру, массовое отравление?

Но хуже было то, что первый этаж здания наводнила масса незнакомых и непроверенных людей – представителей фирм. У каждого из них имелся пропуск, и каждый (это удалось выяснить без особого труда) действительно работал в указанных фирмах, а не пробрался на открытие со стороны.

Но этих людей было в общей сложности около семидесяти, и некоторые были наняты фирмами специально для этого события, так как не хватало персонала. То есть никто не мог точно отследить их историю. И никто не гарантировал, что автор анонимки не был одним из множества техников, флористов или официантов.

Не был, по мнению Дмитрия Алексеевича, исключен и такой вариант, что враг их клиента *заранее* устроился в одну из фирм, потому что о строительстве и открытии центра красоты было известно уже давно. И он был не одним из непроверенных людей, нанятых для этого торжества со стороны, а работником с биографией – и, не исключено, с поддельным именем.

То есть под подозрением оказались не только новенькие, но и постоянные работники всех трех фирм. А за оставшееся время проверить, причем досконально, всех этих людей было делом нереальным – даже для «Закона и порядка».

Поэтому оставалось одно: держать ухо востро и внимательно приглядываться ко всем, кто находился на территории центра красоты. Дмитрий Алексеевич склонялся к идее, что автор

анонимки мог только пугать Ирдышина, реально же не собиравшись прибегать к каким бы то ни было действиям.

Егор придерживался иного мнения, но предпочитал не навязывать его начальству. Однако он видел, что его коллеги из кожи лезли, дабы не допустить срыва торжественного мероприятия.

Сам Олег Петрович Ирдышин, прибывший в свой открывающийся центр утром, был взволнован, однако старался этого не выказывать. Что интересно, он больше ни разу не упомянул анонимное письмо и делал вид, будто не замечает представителей «Закона и порядка». И все же Егор мог отдать руку на отсечение, что их клиент только об этом и думает. Потому что он не сомневался, что Ирдышин не был с ними откровенен и не сказал всей правды – точнее, вообще не сказал ничего, что помогло бы им выйти на след автора анонимки.

Ибо Ирдышин что-то знал, но предпочел утаить.

А все факты указывали на то, что автор анонимки не шутил. Этот человек все рассчитал и продемонстрировал, что не боится риска, проникнув в кабинет Ирдышина и оставив там свое послание. Причем сделал он это, используя знание слабостей тех людей, которые работали на хирурга, что означало только одно: *он не был кем-то посторонним.*

Егор не сомневался, что и их шеф Дмитрий Алексеевич ломает голову над тем, не работает ли автор анонимки в одной из клиник Ирдышина или, что тоже не исключено, не работает ли он непосредственно рядом со своей жертвой.

Но тогда это означало, что автор анонимки чрезвычайно хорошо законспирирован и изобрел для себя более чем правдоподобную легенду. Ибо все те, кто относился к непосредственному окружению Ирдышина, работали у него уже много лет.

Начальники отделов, например. Хотя нет, например, тот, что возглавляет пиар-отдел, пришел около полугода назад. Однако у него отличный послужной список, и этот человек – тот, за кого себя выдает: они успели пробить его по своим каналам.

Что не значило, что он не мог быть автором анонимки.

Или взять, к примеру, ту же самую Алину. Она работала уже около трех лет – срок, конечно, более-менее солидный, но не такой уж и большой. Она тоже могла иметь отношение к анонимке.

Даже правая рука Ирдышина, Нинель Львовна, которая трудилась бок о бок с хирургом около двенадцати лет. Хотя, тщательным образом изучив полученную информацию, Егор все же рекомендовал Дмитрию Алексеевичу исключить ее из числа подозреваемых. Биография у нее была впечатляющая.

Но ведь никогда не знаешь наверняка...

И кто сказал, что если автор анонимки работает на Ирдышина, то он на виду, точнее, лично знаком с шефом и находится где-то неподалеку? Он ведь и мог находиться неподалеку, но не иметь постоянного контакта со своей жертвой.

Он мог быть уборщицей в кабинете Ирдышина, у которой имелись ключи от всех нужных помещений. Работником столовой, в которой Ирдышин постоянно перекусывал. Курьером, изо дня в день приносившим ему корреспонденцию. Мелким менеджером в одной из многочисленных управленческих структур его клиник.

В общем, мелкой сошкой, человеком бесцветным и незаметным, который уже давно работает на своем месте, не возбуждая никаких подозрений и вообще мало когда попадаясь на глаза Олегу Петровичу.

А сам в это время лелеял единственную мечту: расправиться с ним!

И это стройно вписывалось в теорию о том, что враг уже давно втерся в доверие и все эти годы наблюдал и выжидал, собираясь рано или поздно нанести удар.

Удар сокрушительной силы и с наибольшим медиальным эффектом.

А если скандал случится на открытии центра красоты, на которое приглашены представители ведущих СМИ страны, то эффект в самом деле будет максимальным.

Если бы только скандал... А что, если автор анонимки задумал, например, убийство или даже теракт?

Впрочем, для теракта требовалось большое количество взрывчатки или отравляющих веществ, а пока ничто не указывало на присутствие чего-то подобного на территории центра красоты.

А вот убийство... Одного или даже нескольких человек, совершенное под стрекочущие телекамеры, возымеет, конечно же, эффект разорвавшейся бомбы. Для этого и саму бомбу взрывать не потребуется...

Многое указывало на то, что автор анонимки намеревался поступить именно так. *Многое, но не все.* Существовала вероятность, что он задумал иной, в корне отличающийся от обычного, план. И что остановить реализацию этого плана невозможно.

Когда Егор намекнул на это шефу, Дмитрий Алексеевич потрепал его по плечу и сказал давно знакомым тоном:

– Не забивай себе голову всякой чепухой, Шубин. Лучше делай то, что тебе поручено. А думать и делать выводы буду я сам.

На это Егор ничего не ответил, выдержка у него была отличная. Что же, если шеф хочет, то пусть не верит. *А вот он поступит иначе.*

– Повода для беспокойства нет! – сообщил шеф, заведя подходящего к ним Олега Петровича Ирдышина. – Все под контролем, под моим полным контролем! Обещаю вам, что никакого прокола не будет. Потому что наше агентство еще ни разу не оказывалось в дураках!

Егор отвернулся, прекрасно зная, что это вранье. Сколько раз они проваливали задания, упускали виновных! Однако клиентам знать об этом не обязательно – они всегда получали ту информацию, которая устраивала Дмитрия Алексеевича. И которая позволяла требовать гонорар по максимуму.

– Отлично, просто отлично! – отозвался хирург, и его лицо буквально расцвело. Было заметно, что от лживых слов Дмитрия Алексеевича у него камень с души свалился. – Подготовка к открытию идет полным ходом. Вы ведь обещаете, что все пройдет без сучка без задоринки?

– Обещаю! Даю вам свое слово! – заявил, не моргнув глазом, шеф, который никогда не скупился на такие заявления. И Егор знал: если даже потом и происходило что-то непредвиденное, Дмитрий Алексеевич всегда находил этому логическое объяснение и умело выворачивался.

Шубин отошел в сторону, думая, что, кажется, шеф ведет себя *уж слишком самоуверенно*. И внушает клиенту ложное чувство спокойствия. Но таковы незыблемые правила, потому что сказать Ирдышину, что остановить безумца, если тот что-то задумал, нереально, было бы, конечно, безответственно.

Вздыхнув, Егор сказал себе, что рано или поздно этот день закончится. И вечером они будут в курсе, удался ли план автора анонимки или все оказалось словесным пшиком.

Однако насчет последнего он отчего-то уверен не был.

Наблюдая за множеством рабочих, которые сновали туда-сюда, занимаясь подготовкой к торжественному приему, Егор машинально взглянул на часы и отметил, что до начала, намеченного на шесть вечера, осталось немногим более восьми часов.

А затем он бросил взгляд на список, который сам же и составил, – в нем значились члены семейства Ирдышина, а также люди, которые могли в ближайшее время стать таковыми. Потому что при расследовании подобного дела нельзя было сбрасывать со счетов родственников потенциальной жертвы.

Ведь автор анонимки мог быть тайным врагом, притаившимся *даже в семье*. Их агентству уже приходилось, и не раз, заниматься делами, когда истинным виновником драмы оказывался не мифический преступник со стороны, а один из близких и любящих людей.

Ну, или, в данном случае, – *один из ненавидящих*.

Итак, кто же относился к ближнему кругу Олега Петровича Ирдышина – и кто имел допуск к его семейным тайнам и, не исключено, к конфиденциальной информации, игравшей такую большую роль в этом деле?

Его супруга Жанна, двадцати восьми лет. Бывшая участница группы «Позолота», бывшая ведущая ряда программ на радио и телевидении. И вот уже в течение семи с небольшими лет – законная жена Олега Петровича. А также мать его детей, близнецов Лизы и Пети.

Удивительно, но факт: младших детей хирурга звали точно так же, как старших, от первого брака. Видимо, Ирдышину доставляло какое-то особое удовольствие называть своих отпрысков в честь отца Петра и матери Елизаветы, уже давно покойных.

Егор задумался над тем, как отнеслась жена Ирдышина Жанна к предложению супруга назвать новорожденных так же, как уже звали его старшую дочь и сына. *Вряд ли с восторгом...* Но в итоге их назвали именно так – и не иначе. И это свидетельствовало о том, что всем в доме заправлял именно Олег Петрович.

А также о том, что он, судя по всему, был отчего-то недоволен своими старшими детьми. Хотя дочку свою, кажется, обожал, но относился к ней как к драгоценной, но безмозглой кукле. Сына же третировал и постоянно был недоволен его экономическими решениями. Да, отцом Ирдышин был далеко не самым хорошим...

Что ж, его дети от первого брака... От того самого первого брака с Мариной Сергеевной, его вечной любовью и женщиной его жизни... По крайней мере, так утверждали пожелавшие остаться анонимными источники из окружения Ирдышина. Свою первую жену, трагически погибшую при так до конца и не выясненных обстоятельствах, он, судя по всему, очень любил.

А вот любил ли он своих детей от нее?

Елизавета была прелестной и стильной молодой женщиной – и у нее на данный момент имелось два жениха. Или, возможно, три? Во всяком случае, именно три молодых человека принадлежали к ее свите в течение последних месяцев.

Во-первых, это был Денис Любомиров, работающий заместителем главного редактора в одном из гламурных журналов – в том же самом, где Лиза Ирдышина вела модную колонку. Денис этот был родом откуда-то из Сибири, о его прошлом ничего толком известно не было, он работал то там, то здесь и всплыл в столице шесть или семь лет назад. О том, где он родился и учился, имелись самые противоречивые данные.

Что ж, это делало его идеальным кандидатом на роль мистера Икс – автора анонимок. Взялся невесть откуда, сведений о его прошлом почти нет, никто не гарантирует, что он в самом деле зовется Денисом Любомировым. С тем, что у молодого человека талант, никто не спорил, но ведь никто и не утверждал, что враг Ирдышина – бесталанный человек, вся энергия которого уходит на одно: на осуществление плана мести.

Любомиров познакомился с Лизой Ирдышиной около года назад, когда перешел в этот самый гламурный журнал из другого подобного издания. Причем никаких особых причин для смены одного места на другое не было. Разве что тот факт, что примерно в то же время в этом журнале начала вести колонку светская девушка Лиза Ирдышина. И, став ее коллегой, можно было запросто с ней сблизиться.

Хотя кто разберет эту тусовку, они ведь постоянно и так пересекаются на разного рода приемах, фуршетах, хеппенингах. Значит, познакомиться и сблизиться с ней можно было, и не являясь ее коллегой по журналу. *Но ведь так намного проще и быстрее!*

Лиза и Денис быстро сошлись, и теперь их же коллеги-борзописцы всюду трезвонили о том, что они – самая элегантная пара сезона и скоро поженятся. Но официально ни о какой свадьбе объявлено не было.

И не без причин, ибо Лиза Ирдышина была той еще штучкой и, несмотря на свои без малого тридцать, под венец не спешила. Как и подобает столичной красотке, она работала сразу как минимум на два фронта – помимо Дениса Любомирова, у нее имелся другой поклонник.

Да, во-вторых, вертелся около нее некий Айман Джанбатов, являвшийся полной противоположностью Дениса Любомирова, и не только внешне. Если Денис был высоким блондином с голубыми глазами, то этот самый Айман Джанбатов – миниатюрным смуглым брюнетом. И наследником самой крупной в России медиаимперии, управлял которой пока что его отец Набхан Джанбатов. Айман был его единственным сыном (все остальные отпрыски – женского пола) и кронпринцем. В течение последних десяти лет Айман слыл плейбоем, обожающим крутые тачки, горячих девушек и азартные игры.

Впрочем, некоторое время назад, когда здоровье родителя пошатнулось, ему пришлось отказаться от прежних привычек, остепениться, сменить яркие костюмы на стильные строгие и влиться в ряды топ-менеджеров семейного медиахолдинга.

Несмотря на свое бурное прошлое, Айман умудрился закончить два вуза – престижный российский и еще более престижный английский – и стать специалистом по экономике и пиару.

Это было еще до того, как Лиза сошлась с Денисом Любомировым. Айман считался ее близким другом и даже женихом. Да что там, об их свадьбе было объявлено повсеместно, ведь отцу Аймана так хотелось, чтобы его сын уgomонился и наконец сделал его дедом. Да и Лиза Ирдышина, кажется, была не прочь стать женой наследника медиаимперии.

Но потом что-то разладилось, имел место какой-то неизвестный публике скандал, и свадьба не состоялась. А затем Лиза завела шашни с Денисом. Не исключено, для того, чтобы показать бывшему жениху: *мне и без тебя и без твоего медиахолдинга совсем неплохо в крепких объятиях белобрысого заместителя редактора!*

Как бы то ни было, Айман, кажется, не желал уступать сопернику невесту без боя, и они постоянно устраивали стычки в ночных клубах и на элитных дискотеках.

Самое пикантное, что буквально пару недель назад издание, в котором работали Лиза и Денис, купил медиахолдинг отца Аймана, и теперь, похоже, профессиональное будущее парочки зависело от милости темпераментного кронпринца.

Во всяком случае, профессиональное будущее Дениса – потому что Лиза могла с легкостью перепорхнуть в другое подобное издание или вообще сконцентрироваться на своей карьере в Интернете.

Поэтому неудивительно, что Денису пришлось смириться с тем, что бывший ухажер его невесты вдруг снова стал ее всюду сопровождать, что выглядело достаточно двусмысленно. Шептались к тому же, что Лиза играет не только с Денисом, но и с Айманом, и вообще под кукольным личиком красотки скрывается расчетливая и бездушная стерва.

В-третьих, имелся еще некий Леонард Грей, он же Леонид Серов, впрочем, уже давно забывший о своем имени, данном при рождении. Сей эпатажный персонаж был лучшим другом (или, кто знает, подругой) Лизы Ирдышиной. Леонард Грей слыл существом изнеженным, эксцентричным, человеком-фейерверком, художником жизни и королем стиля. Он считался то ли модельером, то ли стилистом, не занимался ничем конкретным, однако никогда не испытывал финансовых затруднений. В тусовке он был личностью легендарной, несколько лет назад в качестве судьи одного из популярных шоу проник на телеэкран, откуда уже не слезал и потчевал всех нужными, а чаще ненужными советами из области моды, стиля и эпатажа.

На первый взгляд этот самый Леонард Грей был взбалмошным и безобидным. *Но только на первый...* Ибо, как установил Егор, он везде сопровождал Лизу Ирдышину и наверняка был в

курсе многих тайн ее семейства. Для одинокого мстителя прикрытие просто идеальное! Никто не заподозрил бы Леонарда в том, что он что-то замышляет.

А о том, что он способен на неординарные поступки, свидетельствовала его биография. Мало кто знал, что много лет назад, когда он еще звался Леонидом Серовым, его обвиняли в причастности к разбойному нападению, а чуть позже – в том, что он состоит в одной из преступных группировок. И, судя по всему, в те времена он действительно был поистине безжалостным. Говорят, даже был причастен к серии убийств бизнесменов. Так что его имидж – с блестками, глупым смехом и поцелуйчиками, которым он славился сейчас, – являлся не более чем ролью, которую он теперь играл. А с одной из старых черно-белых фотографий на Егора смотрел хмурый, быковатого вида бритый тип, глаза которого переполняла ненависть.

Что означало: Леонарда Грея не следует сбрасывать со счетов и он тоже был включен в список подозреваемых, который Егор подготовил для Дмитрия Алексеевича. Ибо от этого дружка Лизы Ирдышиной исходила непонятная скрытая угроза. И кто знает, что на самом деле задумал Леонард Грей...

Наконец, имелся еще брат Лизы Петр Ирдышин, тип, как успел установить Егор, весьма скользкий. Вроде бы такой респектабельный, вроде бы такой правильный, *а в то же время...* И дело даже не в его постоянных, выносимых на всеобщее обозрение интрижках с актрисками, певицами или спортсменками. Этим никого удивить было нельзя, но создавалось упорное ощущение, что все это часть спектакля.

Егор помнил показания Алины о том, что Петр рылся в корреспонденции своего отца и похитил оттуда одно из писем.

А чуть позже его отец получил анонимное послание с угрозами. Имеется ли тут взаимосвязь? Ведь можно было предположить, что послание, которое он изъясил из отцовской почты, и было тем самым посланием, которое позже кто-то вынул из конверта и положил на стол Олегу Петровичу Ирдышину. И что в задачу Петра входило вовремя заполучить в свои руки это письмо, отосланное на имя жертвы (отличный ход!), распаковать его и подсунуть родителю.

И дело сделано...

Если, конечно, Алина говорила правду и действительно стала свидетельницей этого более чем странного инцидента. Ведь какова вероятность того, что она зашла в кабинет шефа именно в ту секунду, когда Петр обнаружил конверт и спрятал под пиджак?

Вот именно, ничтожно мала...

Но при этом событие все равно могло иметь место. Ибо, как по собственному опыту знал Егор Шубин, в жизни случаются такие совпадения, о которых никто до этого и подумать не мог.

Завершив изучение списка, Егор задумался. Волнение нарастало, на душе сделалось тревожно. Его волновал один вопрос: пройдет ли все так, как было запланировано?

Или...

В кармане завибрировал мобильный, на связи был один из его коллег, который раздобыл занятную информацию о парочке потенциальных подозреваемых.

Лиза Ирдышина зашла в дамскую комнату и, прикрыв за собой дверь, глубоко вздохнула. Какое счастье, что никто из ее кавалеров не последовал за ней! И что она наконец осталась одна...

Хотя, помнится, Леонард частенько забежал вслед за ней в женский туалет, чтобы «припудрить носик» или «подвести бровки». Но после того как супруга чрезвычайно влиятельного кремлевского чиновника, присутствовавшая на одном из приемов, обнаружила, что дама, подводящая губы рядом с ней у зеркала в женском туалете, вовсе даже не дама, разразился скандал: несчастного Леонарда под белы ручки выперли не только из туалета, но и вообще с приема, и с тех пор он опасался забегать в уборную не с той literой.

Да, ей требовалось побыть одной, и какое счастье, что дамская комната центра красоты, официально еще не открывшегося, абсолютно пуста...

Ей требовалось подумать. Да, определенно, ей требовалось подумать и передохнуть.

Лиза подошла к большому мраморному умывальнику, положила на него свою крошечную сумочку и открыла сияющий золоченый кран. Тугая струя холодной воды с шелестом устремилась в рукомойник.

Она снова вздохнула и уставилась на свое отражение. Потом легким жестом поправила прическу, лишней раз убеждаясь, что она ей страсть как идет. Что же, Леонард молодец, у него, несмотря на пестрые одеяния, явно есть вкус, и он дает толковые советы. Сколько раз она говорила ему, что мода на эпатаж уже давно прошла, что ему лучше брать публику чем-то другим, но он и слушать не хотел.

У нее даже складывалось впечатление, что он упорно играл какую-то неведомую роль... *Но какую именно?*

Достав из сумочки губную помаду, Лиза быстро подвела губы. Что ж, понятно, какую. Он хочет стать самой известной личностью тусовки, а посредством этого сделать карьеру на телевидении. Поэтому и изображает из себя невесть что.

А ведь в действительности Леонард мог быть другим. *Совсем другим.* Таким пугающим и жестоким...

Лиза смочила руки и задумалась. Впрочем, не в Леонарде сейчас дело. А в двух ее уха-жерах – Денисе и Аймане. Конечно, они снова заявили на один и тот же прием. Точнее, конечно, Денис сопровождал ее, ведь он жених. Ну, не стоит торопить события, пока что – бойфренд. Или просто *очень хороший знакомый.*

Лизу мало занимало то, что пишут желтые издания. В конце концов, она работала в одном из них и имела представление, как все эти слухи возникают и пускаются в оборот. Ведь в тусовке их давно уже поженили.

Наверное, и Денис был бы не прочь стать ее супругом. Как до этого Айман. Айман, который прекрасно понимал, что она и Денис обязательно будут на открытии центра красоты ее отца и что ему самому не надо здесь появляться.

Но он появился. Такой улыбчивый, такой стильный. И такой желанный...

Лиза закрыла глаза, вспоминая о своей последней встрече с Айманом, той самой, когда они поссорились. Поссорились, как это часто бывает, из-за пустяка, и не это стало причиной их разрыва.

А то, как Айман с ней обошелся. Она помнила, как он тогда схватил ее за руки. Он ведь хоть даже чуть ниже, чем она сама, в особенности если она на каблуках, но ужас какой сильный. По нему и не скажешь, но Айман состоит не из мышц, а из сухожилий и мускулов.

Да, он обиделся, конечно, на то, что она сказала, и ей не стоило намеренно провоцировать его, но ведь так всегда во время ссоры – выплескиваешь на того, кого любишь, все самое обидное и гадкое, что притаилось в глубине собственной души.

А он схватил ее за руки и держал за запястья, одновременно толкая... *Туда, к балкону.* Она кричала, а он молчал. И ей было страшно, так страшно... А когда они оказались на балконе, он прижал ее к перилам. А ведь под ними шумела Москва – под ними, сорока этажами ниже! И ему ничего бы не стоило сбросить ее вниз!

И, судя по его безумным, черным, практически без белков, глазам, он именно это и хотел сделать. Она, конечно, знала, что темперамент у него бешеный, и их ссоры всегда были весьма громкими, но в тот раз все было иначе...

Как будто он вдруг сбросил маску, и она взглянула в его истинное лицо. Такое страшное и такое жестокое... *Лицо не человека, а зверя.*

Все это длилось считанные секунды, а потом так же закончилось, как и началось. Закончилось, хотя стальная перекладина уже впивалась ей в спину, хотя она чувствовала, что Айман старается спихнуть ее вниз...

И самое ужасное, что она не могла ничего поделать. Он был такой... *Такой безжалостный.* Как будто... Как будто шел к какой-то определенной цели, а потом, в последний момент, передумал – быть может, потому, что не настало еще время...

Но время для чего?

Он отпустил ее, она бросилась собирать вещи, а он даже не задерживал. Тогда она даже побоялась сесть в лифт и побежала вниз по лестнице – все сорок с лишним этажей. А оказавшись внизу, все думала, что Айман вдруг настигнет ее и...

И сбросит, как того и хотел, с балкона вниз.

Конечно, за этим последовали звонки, корзины с цветами, даже не корзины, а целые мобильные клумбы, живые музыкальные открытки, шикарные подарки (он знал, что она неравнодушна к драгоценностям, а денег у Аймана и его отца было пруд пруди).

Но она все возвращала нераспечатанным, потому что перед глазами стояло его лицо – с темными глазами без белков и оскал зверя, готового перегрызть ей глотку...

Денис же... *Денис был совсем иным.* Такой добрый и мягкий. Хотя в постели он, надо сказать, по страсти не уступал Айману, который был настоящий ураган. И Денис, в этом она не сомневалась, искренне любил ее.

Во всяком случае, она не сомневалась в этом до прошлой недели. Все получилось более чем банально: Денис был в душе, когда ему на мобильный пришло сообщение. И Лиза, будучи от природы человеком любопытным, прочитала его.

«Все готово. Еще неделя. Потом она получит сполна».

Таков был текст. Отчего-то она тогда ужасно испугалась. О ком они вели речь и кто была эта самая *она*? Неужели...

Неужели она сама – *Лиза Ирдышина*?

Отправитель значился как «Виктор Викторович». Кто это такой, Лиза понятия не имела. Поэтому решила разыграть сценку. И когда Денис вернулся из душа и прильнул к ней, она, чмокнув его в нос, со смехом сказала, что по инерции, совершенно случайно, конечно же, прочла сообщение, которое пришло ему от Виктора Викторовича.

Денис напрягся – она почувствовала, как его руки, лежавшие у нее на спине, вдруг сжались. *А потом легли ей на шею.*

– Так кто же получит сполна? – пролепетала Лиза, чувствуя, что во рту у нее пересохло. Она не хотела спрашивать это, но как-то само с языка сорвалось.

Денис ласкал ее шею, и она знала, что в любой момент он может – так же играючи – придушить ее. Ибо, в отличие от Аймана, он был ростом под два метра, осанистый, плечистый, с тренированным телом спортсмена и большой мышечной массой.

Наверное, глупо было задавать ему такой вопрос, но она задала. *Такая уж она была.*

– Ах это? – произнес он каким-то странным тоном. – Да так, журналистское расследование, крошка. Об одной нашей звездочке, которая слишком много о себе мнит и обманывает народ, презентуя ему свою якобы безоблачную семейную жизнь. А на самом деле и она, и ее муженек развлекаются напропалую на стороне. Их брак – фикция, а они щебечут направо и налево, как любят друг друга и как все хорошо. Не могу терпеть ложь, крошка, поэтому настало время проучить эту дрянь. Вот мы и готовим разоблачение...

Говорил он спокойно, но... Но в голосе сквозило что-то... *Что-то неумолимое.* И почему он вел речь об этой звездушке (если история была вообще истинная!) как о дряни? Ну, морочат они с мужем голову публике, что с того? Они же по обоюдному согласию, никому от этого ни жарко и ни холодно... И даже если не по обоюдному – зачем лезть в чужую жизнь?

– А, понятно! – сказала Лиза, отстраняя руки Дениса. То, как они обвилились вокруг ее шеи, отчего-то нервировало девушку. – А Виктор Викторович – твой информант? – спросила она, и Денис вдруг привлек ее к себе, прижал, да так сильно, что вырваться не было никакой возможности.

– Так, мелкая сошка... Дворецкий или водитель в этом звездном семействе, точно не помню. Имя, конечно, выдуманное... Но зачем тебе это знать, крошка?

Действительно, зачем? Этого Лиза сама сказать не могла. Просто... Просто какое-то чувство подсказывало, что все, что Денис только что ей наговорил, неправда.

А руки у него были такие большие, мускулистые, сильные. Чувствуя их тяжесть, Лиза так и хотела спросить: «Бабушка, а почему у тебя такие большие руки?»

И зубы...

Зубы у Дениса, в самом деле, были большие и без единого изъяна: ровные, жемчужно-белые, все в ряд. Прямо голливудская улыбка, и это без малейшего вмешательства дантиста.

– И когда выйдет статья? – спросила Лиза, и Денис, наклоняясь к ней и щекоча ее ушко губами, промурлыкал:

– Скоро, на следующей неделе... Ну, или чуть позже...

Губы его отчего-то дрожали...

Секс, который последовал далее, был, как всегда, чудным. Но Лиза почему-то все думала об этом таинственном послании. А также о том, что Денис, если того захочет, может в любой момент расправиться с ней.

Так же, как Айман. Неужели это ее судьба – вечно связываться с тайными садистами?

Исподтишка она навела справки, но никто в редакции не знал ни о каком готовящемся сенсационном репортаже с разоблачением инсценированной семейной жизни какой-либо звезды и ее супруга.

Не вышла статья ни через неделю, ни через две, ни через три. Поэтому во время ужина в ресторане (езде люди, он не сможет ее обнять своими крепкими руками и привлечь к себе... *и задушить*) Лиза вроде бы случайно спросила:

– Так репортаж о звездушке и ее муженьке что, задерживается?

Денис неловко двинул рукой, и его бокал, наполовину заполненный красным вином, полетел со стола на пол. Подоспел вышколенный официант, тотчас все убрал. Денис же отчего-то вдруг очень разозлился и обругал официанта, хотя тот уж точно ни в чем не был виноват, в крайне грубых выражениях. Появившийся метрдотель принес дорогим гостям самые искренние извинения и прислал за счет заведения бутылку раритетного бордо.

Еще бы, ведь все знали, что они с Денисом намерены пожениться – слух, запущенный невесть кем, уже по несколько раз обошел все желтые СМИ.

Только кто запустил этот слух? Уж точно не она сама. *Или это был Денис?*

Он так и не ответил на ее вопрос. Она же не рискнула задать его снова – это бы непременно привлекло внимание Дениса. Но он сам вернулся к этой теме, когда им подали новую бутылку вина.

– Да, представляешь, пришлось отказаться, потому что все, что сообщил мне этот тип, оказалось выдумкой. Кажется, кто-то хотел нас подставить. Ну, или меня лично. В самый последний момент удалось узнать правду!

Но правда заключалась в том, что никакая статья не готовилась и что никакой истории со звездушкой и ее муженьком и в помине не было.

Однако Денис пытался убедить ее в обратном. *И это неплохо у него получилось.* Она поверила – почти поверила.

Но вот именно что *почти*. Потому что все это казалось таким... *Таким неправдоподобным...* И выдуманным.

Впрочем, подумать толком у нее тогда не было времени, потому что именно там, в ресторане, после вспышки гнева, Денис и сделал ей предложение, а также преподнес кольцо с изумрудом. Никогда бы не подумала, что у него есть деньги на столь дорогостоящие украшения, а в них-то Лиза хорошо разбиралась! Но, естественно, вопрос, откуда Денис взял деньги, не задала.

И ведь все было рассчитано как нельзя лучше: вокруг масса свидетелей, других посетителей ресторана, и большую их часть Лиза знала лично. Если бы она ответила Денису отказом, это породило бы волну слухов.

То, что она приняла его, впрочем, тоже.

Да, она приняла, однако с условием, что со свадьбой они торопиться не будут. А вот Денис, кажется, рвался затащить ее под венец. А тут еще активизировался Айман, убедивший своего могущественного родителя прикупить несколько желтых и гламурных изданий столицы – и таким образом Лиза оказалась сотрудницей издания, входящего с недавних пор в медиахолдинг Джанбатовых.

И Денис тоже...

Нет, Айман не уволил соперника, это было бы, наверное, слишком просто и возымело совершенно иной эффект, нежели он добивался. Денис даже получил повышение, а Айман вдруг навязался к нему в приятели.

Что позволило ему сопровождать Дениса везде и всюду – точнее, дало возможность заставить Дениса сопровождать себя, любимого, ведь отказаться от назойливых предложений сына владельца холдинга Денис не мог.

Ну, разумеется, Айман настаивал на том, чтобы Денис везде и всюду появлялся со своей подругой и невестой, то есть с ней самой.

Она бы могла отказаться, однако ей было отчасти жаль Дениса. Но больше всего она злилась на Аймана. И что он себе, собственно, позволяет? *Кем он себя возомнил?*

Удивительно было и то, что Айман к ней не приставал, не домогался ее и вообще делал вид, что принимает ее выбор. Но по странному блеску его глаз Лиза догадалась, что это далеко не так. И что Айман что-то замышляет. И что главным призом в этой игре была именно она.

Только вот что за игру он с ней вел?

Впрочем, кажется, и Денис стал прозревать и не нашел ничего лучшего, как именно сейчас, на приеме по случаю открытия клиники красоты ее отца, известного столичного пластического хирурга, начать то и дело подначивать Аймана. Тот, конечно, сперва делал вид, что не замечает его улюлюканья, но Денис тоже не сдавался и стал в открытую хамить молодому Джанбатову. Неудивительно, что Айман не остался в долгу, и они едва не сцепились. Плеснув в лицо и тому и другому шампанским, Лиза убежала от них туда, где они не могли ее достать – в женскую комнату.

...Внезапно ей показалось, что из глубины туалета донесся странный звук. Именно он вернул ее от тягостных размышлений в реальность. Девушка настороженно обернулась – *нет, померещилось.*

Ей вдруг сделалось страшно. Она сама не могла сказать, чего опасалась. Наверное, называется напряжение последнего времени. Долго так продолжаться не может. Чего уж таить, она сама отчасти играла и с Денисом, и с Айманом. И даже какое-то время наслаждалась этой игрой.

Но, похоже, игра зашла слишком далеко. *И ей придется сделать выбор...* Только в чью пользу? Дениса или Аймана? Ведь если так и дальше пойдет, они в самом деле перегрызут друг другу глотки. А тут еще и Леонард со своими циничными замечаниями, которые дополнительно распаляют соперников. И зачем он их подначивает, вместо того чтобы попытаться успокоить?

И снова этот странный звук... Лиза закрыла воду и прислушалась. Так и есть, он шел из смежного помещения. Но не из комнаты с туалетными кабинками, а откуда-то из стены, что ли...

Хотя в центре красоты, любимом детище отца, и имело место торжественное открытие, для публики сюда доступа пока еще не было. Конечно, имелись гости, но ведь в туалете она была одна, в этом Лиза не сомневалась.

А что, если нет?

Страх снова наполнил ее душу. Она поняла, что находится в пустынном крыле, где, если что-то случится, никто не придет ей на помощь.

Но кто сказал, что с ней вообще должно что-то случиться? И с чего ей лезут в голову подобные мысли? Здесь и сейчас она была в полной безопасности, ведь центр красоты надежно охранялся, отец даже нанял какую-то крутую фирму, и ее сотрудники, бритые немногословные люди, шныряли по фойе, переговариваясь друг с другом по рации. С одним таким молодчиком она даже столкнулась у входа в туалет.

Так почему она чего-то боится? Или не чего-то, а *кого-то*?

Девушка уставилась на замаскированную дверь, вмонтированную в стену. Так и есть, наверняка это шкафчик для принадлежностей уборщицы. Только что может издавать такие странные звуки?

Лиза попыталась открыть шкафчик, и это получилось с первой попытки – дверца была прикрыта неплотно. Она отскочила в сторону, за ней обнаружилась стоящая в нише тележка со щетками, швабрами и перевернутым темно-синим ведром. На полках справа и слева покоились разного рода цветные бутылочки и баночки.

Звук шел из-под перевернутого ведра. Лиза прикоснулась к нему, приподняла и как зачарованная уставилась на небольшое портативное устройство, больше похожее на раскуроченные электронные часы. Перед глазами оказались разноцветные проводки, а также циферблат, на котором мелькали сменяющие друг друга цифры: «07:52, 07:51, 07:50, 07:49...»

Лиза с перепугу накрыла устройство ведром и, неловко попятившись, полетела на пол. Поднявшись, она бросилась к двери, потом отчего-то метнулась к зеркалу, схватила лежавшую на рукоятке сумочку, кинулась к двери и вдруг почувствовала, что каблук у нее подвернулся.

Так бы она и растянулась на полу дамской комнаты, если бы не коротко стриженный парень в черном костюме, тот самый, которого она видела в коридоре около туалетов. Теперь же этот нахал самым наглым образом заперся в женской уборной!

Он подхватил ее, причем на его лице не дрогнул ни единый мускул. А Лиза машинально отметила, что у него изумительные светло-серые глаза. Да и вообще он вполне ничего...

И о чем она думает через несколько секунд после того, как обнаружила под перевернутым ведром *бомбу с часовым механизмом!*

А то, что это устройство было бомбой с часовым механизмом, сомневаться не приходилось.

Так что, оставив на потом выяснение отношений с парнем, который шастал по дамским уборным, она позволила поставить себя на ноги и указала на приоткрытую дверцу шкафчика уборщицы.

– Там... Бомба... Осталось меньше семи минут!

А затем вылетела прочь в коридор.

Каблук, кажется, был сломан, а ведь эти туфли она надела только третий раз и отвалила за них бог знает сколько. Вот тебе и ведущий мировой бренд!

В голове билась только одна мысль: как можно скорее унести отсюда ноги. Ноги, обутые в желтые туфли на огромном каблуке.

Ничего, если понадобится, она их снимет и побежит босиком. До нее донеслась музыка, смех, аплодисменты.

Ну да, конечно, открытие центра красоты отца... Она-то, возможно, и унесет ноги. А вот что будет с другими приглашенными? Потому что все убежать за семь минут явно не смогут – их больше тысячи, и все они собрались сейчас в атриуме под стеклянным куполом.

Если их предупредить, потребуется какое-то время, чтобы сказанному поверили, а не сочли глупой шуткой или частью рекламы открываемого центра красоты. *А когда поверят...*

Тогда все ломанутся к выходу, и уж тут мало не покажется... Многие все равно спастись не успеют. Да разве и она сбежит, бросив отца на произвол судьбы? Бросив Дениса и Аймана?

Так что же делать? Решение надо было принимать немедленно. Лиза на мгновение закрыла глаза, а потом развернулась, толкнула дверь и снова оказалась в дамской комнате.

Она увидела того самого стриженного типа в черном костюме, который колдовал над устройством, обвитым проводками. А время неумолимо бежало, оставалось уже около пяти минут...

– Уходите! – процедил сквозь зубы парень, не оборачиваясь к ней. – Немедленно убегайте!

Раньше бы она на такой тон рассердилась, но не сердиться же на человека, который пытается спасти ей жизнь! Ибо бегство было единственно верным решением в подобной ситуации.

– Вам помочь? – произнесла она, осторожно подходя к типу в черном костюме. – Кстати, меня зовут Лиза, а вас?

Момент для знакомства был не самый подходящий, видимо, и парень считал так же, потому что ничего не ответил и продолжал сосредоточенно изучать смертоносное устройство, осторожно трогая то один провод, то другой.

– Раз уж остались, то постарайтесь не сопеть! – произнес он, и Лиза, притаившаяся у него за спиной, обиженно дернулась. Да она ничуть не сопит! Странно, но отчего-то она вбила себе в голову, что если спрячется за спиной этого спокойного и уверенного в каждом своем движении нахала со светло-серыми глазами, то ничего не произойдет.

Правда, если бомба рванет, то их обоих разнесет в клочья.

– А может, позвать кого-нибудь? – отчего-то шепотом спросила Лиза.

Парень произнес:

– Уже позвал. Но коллега, кажется, заснул на своем посту или просто не слышит вызова. Так что придется импровизировать...

Импровизировать с бомбой, когда до неминуемого взрыва осталось три минуты и сорок пять секунд? Нет, уже сорок четыре, сорок три, сорок две...

– У вас найдутся маникюрные ножницы? Или лучше щипчики для ногтей? – задал он странный вопрос, и Лиза не сразу сообразила, для чего они понадобятся.

Она высыпала содержимое сумочки на пол, и щипчики для ногтей, которые всегда были при ней, улетели, конечно же, в самый угол. Пришлось ползти за ними на коленях, потому что подняться на ноги возможности не было.

Лиза подала молодому человеку щипчики, тот не забыл поблагодарить (Ну и воспитание! Точнее, что за выдержка!), а затем снова стал перебирать проводки.

– Спасибо, вы свободны. Теперь вам надо уйти, – произнес он обыденным тоном, как будто ничего экстраординарного не случилось.

В этом он был так похож на Аймана и Дениса! И даже на отца... Но она сама знает, что ей надо делать и что не надо.

– Ну давайте же, перерезайте наконец какой-нибудь провод! – не выдержала Лиза. Она прокричала это весьма истеричным тоном. – Не стройте из себя суперполицейского в исполнении Брюса Уиллиса или суперагента в исполнении Тома Круза. Потому что только они наобум

перерезают провод в последнюю секунду перед взрывом, и цифры останавливаются за одно мгновение до общего трандычка!

Молодой человек усмехнулся, ничего не ответил, а потом двумя быстрыми точными движениями перерезал сначала один провод, а потом другой.

До взрыва оставалась минута и семь секунд. И, надо же, едва цифра перескочила на шестерку, отсчет остановился.

Лиза испытала невероятное облегчение. И радость. И дикий восторг. А потом ощутила, как у нее по лицу текут слезы.

– Егор. Меня зовут Егор Шубин... – ответил наконец на ее вопрос молодой человек. – Я сотрудник агентства «Закон и порядок». Не плачьте, давайте я вам помогу подняться.

Лиза улыбнулась, подала Егору руку и вдруг краем глаза заметила какое-то шевеление.

Нет, это было не шевеление, это были числа на циферблате, возобновившие свой бег! Только первая цифра из единицы вдруг превратилась в ноль, и до взрыва оставалось четыре секунды, три, две...

Лиза закричала, Егор толкнул ее на пол, а потом накрыл своим телом.

Девушка ждала и ждала, постепенно понимая, что время перед моментом смерти действительно начинает подчиняться иным законам. Потому что пара секунд уже давно прошла, а никакого взрыва не последовало.

Егор крепко прижимал ее, подминая под себя, и Лиза вдруг подумала, что если кто-то откроет дверь туалета и найдет их на полу в этой недвусмысленной позе, то не усомнится, что она решила предаться любви с первым встречным.

Хотя потом последует взрыв, и об этом никто никогда не узнает...

Но взрыва все не было и не было. Приподнявшись и оттолкнув Лизу в помещение, где находились кабинки, Егор приказал:

– Спрячьтесь!

Но Лиза и не подумала сделать это. Она подползла к Егору и уткнулась на циферблат, на котором горели четыре красных нуля.

– Ничего не понимаю... – пробормотал молодой человек, и в этот момент перед первым нулем вдруг возник минус, и цифры побежали в обратном порядке. А из устройства раздался голос Лелика – Папанова из «Бриллиантовой руки»:

– Идиёт!

А затем послышался оглушающий сатанинский смех. Причем Лиза, не понимая отчего, сама вдруг заразилась этим смехом и стала хохотать. И Егор тоже. Из глаз у него лились слезы, он поднял прибор, потряс им и заявил, давась от хохота:

– Это же не настоящая! А могла быть и настоящей! Шутка, хотя и ужасная!

– Точно, не настоящая! А ведь будь это настоящая, мы бы с вами уже тут не общались! Разве что на небесах или в аду... – хохоча, кричала Лиза.

И при этом не могла забыть, как Егор накрыл ее своим телом. Ведь и он, и она были уверены, что бомба вот-вот взорвется. Значит, он был готов пожертвовать собой ради нее, незнакомой девицы, с которой случай свел его в женском туалете.

А вот сделал бы так Денис или Айман? Или Леонард?

– Восемнадцатый, я Третий! Что такое, почему вызвал меня? – раздался голос в рации, которая была прикреплена к поясу Егора Шубина.

Егор взял рацию и до того, как ответить, сказал Лизе:

– Вам лучше сейчас уйти. Мы вас найдем. Только прошу, пока не говорите никому о том, что произошло!

– Спасибо! – произнесла Лиза и выскользнула прочь. Спустя минуту она присоединилась к Денису, который находился в атриуме. На сцене заканчивал выступление известный эстрадный исполнитель.

– Все в порядке? – спросил Денис. Он был неотразим в смокинге. И в этот момент появился Айман, также в смокинге, несущий два мартини. Один бокал он протянул Лизе, другой оставил себе. С усмешкой взглянув на Дениса, он произнес:

– А вот тебе, старина, не хватило. Уж извини! В жизни всегда так: кому-то вершки, кому-то корешки!

Ну, начинается! Ее ухажеры принялись за старое. У Лизы от этого аж зубы свело. После инцидента в туалете их петушинные бои казались такими глупыми и мелкими!

– Мальчики, девочки, кому мартини? Налетай! – провозгласил Леонард, появляясь с двумя бокалами. Он, как обычно, был в чем-то экстравагантном, однако небывало стильном.

Денис буквально вырвал у него один бокал и процедил:

– Ну и где ты так долго шляется?

– Кажется, у кого-то очень плохое настроение? – заметил Айман, отпивая из своего бокала. – Гм, что это?

Лиза заметила, как сразу несколько мужчин в черных костюмах, коллег Егора, вдруг снялись с места и заспешили в коридор.

– О, наверняка что-то непредвиденное! – заявил Леонард, трясая платиновыми кудрями. – Обожаю непредвиденное и сенсационное! А вы, мальчики?

Певца на сцене сменил конференсье, и пока он пел дифирамбы Олегу Петровичу Ирдышину, рядом появилась массивная фигура, затянута в некое подобие шелковой бурки.

– Ого, кажется, начинается классный фильм! – захлопал в ладоши Леонард. – Это же Белла! Лизонька, ведь ее твой папик недавно изуродовал?

Ну конечно, на сцене возникла примадонна Белла, сопровождаемая своей свитой. Один из сопровождающих держал в руках небольшую обезьянку, любимицу Беллы.

– Позвольте и мне сказать несколько ласковых слов в адрес Олега Петровича! – раздался властный голос примадонны. Ее тон не обещал ничего хорошего. – Я ведь тоже раньше верила ему, более того, считала самым классным хирургом Москвы, да что там, всей России и всего мира! Обращалась к нему регулярно, он обещал, что поможет мне вернуть молодость. И посмотрите, во что он меня превратил!

Она откинула капюшон своего платья, и все увидели нелепо-уродливое лицо женщины неопределенного возраста, которая явно не знала меры в пластических операциях.

– Белла Игоревна, Белла Игоревна! – взревело сразу несколько голосов. Конференсье попытался загородить разбушевавшуюся примадонну, но тут заверещала обезьянка, до этого смирно сидевшая на руках у одного из участников свиты Беллы.

Кто-то из охраны попытался стянуть плевавшуюся нецензурными словами и обвинениями примадонну со сцены, что явно не понравилось обезьянке. Вырвавшись из рук державшего ее человека, она по головам собравшихся побежала по направлению к хозяйке.

Конференсье, на чьей прическе приземлилась обезьяна, дико завизжал, обезьяна завизжала еще громче и перепрыгнула на свисавший сверху провод. Не забыв прихватить с собой парик, которым была увенчана лысая, как коленка, голова конференсье.

Публика захохотала. Лиза отыскивала глазами отца – тот, казалось, был доволен неожиданным поворотом событий – пусть уж смеются и думают, что это часть большого шоу.

Конференсье заорал, чем спугнул обезьянку. Она выронила из лап парик и, цепляясь за провода и цветочные гирлянды, словно за лианы, побежала по диагонали через весь зал. Публика хохотала, рукоплескала и получала явное удовольствие.

Под шумок бившуюся в припадке примадонну вывели прочь, а рация стоявшего поодаль Егора завибрировала. Он вышел в коридор.

Там ему пришлось рассказать Дмитрию Алексеевичу о случившемся в дамской уборной. Тот, вышагивая по мраморному полу закрытого для публики туалета, задавал вопросы и размышлял вслух.

– Значит, голос Папанова из «Бриллиантовой руки» произнес: «Идиёт»? И больше ничего?

– Нет, ничего, кроме этого слова, – подтвердил Егор, на что шеф сверкнул глазами:

– Думаешь, ты самый крутой, Шубин? Как бы не так! Ты что, не понимаешь, что подвергал нас всех смертельной опасности? Почему не вызвал подкрепление, а стал копошиться сам? А если бы бомба была настоящая?

В этот момент один из экспертов, осматривавших муляж, что-то нажал, и из устройства вновь донесся зычный бас Лелика: «Идиёт». Причем что-то заклинило, и это слово стало повторяться с необыкновенной скоростью.

– Отключи ты эту хрень, идиот!

– Идиёт! – подтвердил Лелик и, хрюкнув, смолк.

Егор пожал плечами и произнес:

– Понимаю, Дмитрий Алексеевич, действовал не по инструкции, однако времени на размышления не оставалось. Потому что просил Восемнадцатого о помощи, но он не слышал. А поскольку был не один, не мог допустить возникновения паники и ретироваться...

– Не один? – насупился Дмитрий Алексеевич. – Кто был свидетелем инцидента?

– Дочь нашего клиента, Елизавета Олеговна Ирдышина, – ответил Егор. – Я, конечно, сразу же ее узнал, потому что внимательно изучал досье. Но дело в том...

Он замялся, посмотрел по сторонам и добавил:

– Я патрулировал свой квадрат, и вдруг мне показалось, что я заметил человека, выходящего из женского туалета...

– Какая, надо сказать, невидаль! – буркнул шеф, а Егор продолжил:

– Но это был мужчина... И был он в комбинезоне. Но не как все рабочие, в темно-красном, а в темно-синем. Это меня и насторожило. Я бросился за ним, пытался преследовать, но ему удалось уйти. Так как прием уже шел, поднимать панику я счел нецелесообразным. А потом решил вернуться к тому месту, где его увидел, то есть к дамскому туалету, и посмотреть, что же он там мог делать. Зашел – и наткнулся на Елизавету Ирдышину, которая как раз случайно обнаружила в стенной нише эту милую штучку...

Дмитрий Алексеевич осмотрел поданную ему фальшивую бомбу, поцокал языком и произнес:

– Гм, а ведь могла быть и настоящая!

А потом, налившись кровью, заорал (что случалось с ним редко):

– Это ведь черная метка, понимаете, остолопы?! Тот тип нам показывает: мог бы всех к чертовой бабушке отправить, а он такой добрый, что подложил просто игрушку. Но ему ничего не стоило подложить настоящее взрывное устройство. И никто из вас это не предотвратил! Никто!

Он сурово взглянул на Егора и отчеканил уже более спокойным тоном:

– И в первую очередь ты не предотвратил, Шубин! Потому что квадрат был твой, а ты прозевал! И не пытайся заикнуться о том, какой ты герой, раз с этой бомбой повозился. Была бы настоящая, сколько бы проводков ни резал, все равно рвануло бы.

– Понимаю. Моя ошибка. Больше не повторится, – сказал Егор, опуская взор. – Он ведь с нами играет, не так ли?

Дмитрий Алексеевич, перестав копошиться с фальшивой бомбой, спросил:

– О чем это ты, Шубин?

– Он с нами играет. Вернее, с жертвой. С Олегом Петровичем Ирдышиным, – произнес молодой человек, поднимая глаза. – Вы ведь сами сказали: он бы мог подложить настоящую

бомбу, и мы бы не смогли этому воспрепятствовать. Но ему не нужен был взрыв. Ему нужно другое...

Шеф внимательно посмотрел на него и сказал:

– И что этому придурку, по-твоему, нужно, Шубин?

– Он не придурок, а, наоборот, очень хитрый и расчетливый человек. Который желает одного: посеять страх и загнать свою жертву в угол. И его жертва, насколько мы знаем, Олег Петрович. Преступник хочет, вероятно, убить его, но до этого разрушить все то, что ему дорого. Поэтому нам надо не спускать глаз с его семьи...

Дмитрий Алексеевич вложил кому-то в руки фальшивую бомбу и приказал:

– Разузнайте все, что только можно, о том, кто ее сделал. Если повезет, обнаружим отпечатки пальцев или следы ДНК.

Взглянув на Егора, он заметил:

– У тебя слишком богатая фантазия, Шубин. Нафантазировал ты невесть что...

– Отчего же? – возразил Егор. – Ведь автор анонимки сам признается в этом в своем послании. Он хочет, чтобы Ирдышин в чем-то покаялся, а в противном случае грозит жесткими мерами. И вот эта жесткая мера – фальшивая бомба на открытии.

– Ее могли и не обнаружить! – напомнил шеф, и Егор качнул головой:

– Но ведь он нарочно сделал так, чтобы обнаружили, ведь так? Мало того, что поместил в этот стенной шкафчик, так еще придумал, чтобы она громко тикала. То есть привлек максимальное внимание! И если бы не Елизавета Ирдышина, ее нашел бы кто-то другой. Например, я во время обхода. Или другой гость, вернее, гостья... Поднялась бы паника, церемония оказалась бы сорванной, как, впрочем, и планируемая сделка Ирдышина с иностранными инвесторами...

Дмитрий Алексеевич с сомнением спросил:

– Чего тогда в женский сортир сунули, а не в мужской?

– Женщины более впечатлительны. И любопытны. Мужчина может проигнорировать тиканье.

Он подумал и добавил:

– Это весьма изобретательный преступник. Он, мне кажется, не успокоится на достигнутом. Как бы не преподнес сегодня иных сюрпризов...

Шеф раздраженно возразил:

– Ты его упустил, Шубин. Он подложил этот муляж и ушел восвояси. Надо быть ненормальным, чтобы остаться здесь! Потому что мои ребята сейчас все прочешут и извлекут его хоть со дна канализации здесь, в здании!

Егор взглянул ему в глаза и произнес:

– Думаю, он в самом деле ненормальный. Но не буйный псих, а очень изворотливый и предприимчивый маньяк. И да, я думаю, что он здесь, в здании. Но не прячется, трясаясь от страха, в подвале или в одном из кабинетов. Он намного хитрее. Уверен, что его бенефис на сегодня еще не завершен!

Дмитрий Алексеевич презрительно заметил:

– Надо исходить из фактов, а не из своих предположений, Шубин! Не упустил бы его, не пришлось бы сейчас гадать. В следующий раз бегать надо лучше!

Тут в туалет зашел один из сотрудников «Закона и порядка» и доложил, что нашли нечто интересное. Он отвел шефа и Егора в один из коридоров и указал на открытую дверь, которая вела в подсобное помещение, где по стенам тянулись трубы. Посередине помещения валялся рабочий комбинезон темно-синего цвета, такая же темно-синяя кепка и темные кеды сорок пятого размера.

Егор пристально всматриваясь в одежду, кивнул и медленно произнес:

– Да, именно так был одет человек, которого я преследовал. И кеды, и кепка...

Дмитрий Алексеевич потер переносицу:

– Не только псих, но еще и извращенец! Он что, нас тут где-то среди труб голый поджидает?

И раздраженно гаркнул:

– Эй, маньяк, иди сюда, я тебя поцелую! Локтем в диафрагму!

Прочие сотрудники подобострастно рассмеялись сомнительной шутке шефа, а Егор, помрачнев, произнес:

– Есть и другой вариант. Комбинезон большого размера, так что под ним он вполне мог быть одет в вечерний костюм. Например, смокинг... Или платье, если это женщина... То есть он не голый нас тут поджидает, а скинул комбинезон и просто присоединился к разряженной публике! Он один из гостей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.